

РОССИЙСКАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Дом
Плеханова

Фонд
Плеханова

К **75** 1928
2003
Л Е Т И Ю
Д о м а
П Л Е Х А Н О В А

**Сборник статей и публикаций,
материалы конференции**

Г. В. ПЛЕХАНОВ И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Публикуемая статья принадлежит перу Сергея Георгиевича Кара-Мурзы (1878—1956) — историка театра и литературной Москвы, журналиста, плодотворно работавшего в периодических изданиях, автора множества статей об актерах и театральных постановках, книги «Малый театр»; книговеда и библиофила, видного участника Русского общества друзей книги (1921—1929 гг.), оставившего яркие воспоминания о его членах. О деятельности Сергея Георгиевича рассказывали В. Г. Лидин (Друзья мои — книги. М., 1976) и П. Н. Берков (История советского библиофильства. М., 1983).

Статья «Г. В. Плеханов и Февральская революция» была написана весной 1928 г., когда отмечалась 10 годовщина со дня смерти Плеханова, и хранится в фонде Л. Г. Дейча (Ф. 1097. Оп. I. Ед. хр. 850). Здесь же имеется письмо Сергея Георгиевича от 27 февраля 1929 г. (Ф. 1097. Оп. I. Ед. хр. 358), в котором он задает вопрос о том, насколько статья вообще пригодна для публикации. Не известно, как ответил на письмо Лев Григорьевич Дейч¹, однако материал, содержащий описание и оценку событий 1917 года, отличную от официально принятых, в конце 20-х годов появиться в печати уже не мог.

Причина состояла в том, что изменение внутривластного курса страны, повлекло за собой смену действовавших в период НЭПа *тактических* идеологических установок партии: в научной литературе и публицистике стали появляться работы, направленные на борьбу с различного рода «уклонами», «ошибками», «неоправданной апологетикой» и т. д. Эти перемены коснулись и оценки творческого наследия одного из недавних лидеров партии Г. В. Плеханова. Однако факт того, что произведения Георгия Валентиновича, как и литература о нем, продолжали широко издаваться в стране (одновременно тремя тиражами выходят «Сочинения» Плеханова (М.; Л., 1923—1927) и сборники «Группа „Освобождение труда“» (М., 1924—1928); в периодических изданиях публикуются воспоминания о нем; увидели свет более 300 статей с анализом социально-философских воззрений и революционной деятельности Плеханова; появляется первая биография Георгия Валентиновича; по мере введения в научный оборот всего массива документов на страницах научных журналов и газет разворачивалась острейшая полемика среди специалистов, студентов, рядовых читателей), свидетельствовал именно об изменении тактического, но не стратегического характера. Тем не менее, оформившийся в качестве ведущего направления в отечественной историографии конкретно-исторический анализ творчества и деятельности Плеханова был искусственно прерван; в плехановедении возобладали тенденции, основанные на отрицании вклада Плеханова в развитие общественной мысли и теории марксизма; противопоставлении Плеханова-теоретика Плеханову-революционеру; противопоставлении Ленина Плеханову в области философии и политики. Занятая Плехановым в годы I мировой войны позиция расценивалась как доказательство «отхода» Плеханова от марксизма, как культивирование «шовинистических» воззрений.

Статья Сергея Георгиевича Кара-Мурзы интересна именно тем, что он, участник событий 1917 года, позволяет читателю взглянуть на процесс решения двух главных для страны вопросов — вопроса о формировании власти и об участии России в I мировой войне (1914—1918 гг.), — опираясь на мнение самого Плеханова — человека, мыслителя, революционера, гражданина. В ней приводятся в изложении и цитируются вы-

держки из работ и выступлений Георгия Валентиновича, публиковавшихся на страницах газет «Единство», «Русское слово», «Русская воля», подробно рассказывается о событиях, малоизвестных и не всегда привлекавших внимание специалистов, и именно это обстоятельство не оставляет сомнений относительно политических и гражданских предпочтений и симпатий автора. Однако приходится констатировать, что таких единомышленников у Плеханова в России было немного: круг представителей российского общества, способных не только сформулировать главную задачу — сохранение России в качестве самостоятельного государства, — но и предложить адекватные условиям времени пути ее реализации, был чрезвычайно узок.

Для России 1917 года тема участия в войне или возможности ее одностороннего прекращения посредством подписания сепаратного мира с Германией стала определяющей: страна уже более двух лет вела бои на собственной территории, что свидетельствовало не только о неподготовленности к войне, но и неспособности правительства обеспечить оборону; война отрезала промышленность от сырьевых и, прежде всего, топливного, рынков, что повлекло за собой сокращение, а в ряде отраслей — полную остановку производства; практически уничтоженной оказалась внешняя торговля. В войну были вовлечены ведущие страны Европы — традиционные кредиторы России, ранее предоставлявшие необходимые ей военные займы, вынужденные теперь покрывать собственные военные расходы. Это обстоятельство потребовало от государства поиска новых источников финансирования военных действий, и ими стали повышение и введение новых налогов, денежная эмиссия... Затем последовали унижительные для нации поражения в летней кампании 1915 г., и в конце того же года в печать стали просачиваться слухи о попытках российских правительственных кругов начать переговоры с Германией о заключении мира. Уже в следующем году эта тема стала одной из ведущих и открыто обсуждалась на страницах газет и журналов, как у нас в стране, так и за рубежом. Общество, которое, как казалось совсем недавно, в лице видных представителей культуры, науки, образования и политики призывало граждан к **обороне страны**, сумело четко отделить сущность навязанной России войны от смысла локальных войн и столкновений на ее границах, бывших следствием амбициозной политики самодержавия, оказалось идейно и духовно расколотым. И произошло это в то время, когда само **существование нации** было поставлено под вопрос.

Среди лидеров российского и международного общественного и революционного движения, деятелей II Интернационала, мнение которых всегда стремились услышать (хотя и не всегда пытались выяснить и уяснить), Плеханов-политик был едва ли не единственным, кто уже в первые месяцы войны вскрыл ее **социально-экономические** и **идейные корни**, поставил вопрос о необходимости **объединения** усилий стран мира для отражения германской агрессии и обуздания германского милитаризма ².

Впервые в практике международных отношений именно Плехановым был поднят вопрос о **нравственной** ответственности не только народа, совершившего акт агрессии и ввергнувшего мир в войну, но и стран, заявивших о своей позиции **нейтралитета**. Оценивая политику невмешательства как форму проявления национального эгоизма, Плеханов пишет, что, оставаясь «нейтральным» при виде того, как одни люди душат других, эти государства, может быть, солидарны с душителями, но совсем не солидарны с душимыми ³. «Кто в подобных настоящему случаях не протестует всеми силами души, тот сам становится участником преступления, несет на себе ответственность за

совершаемые жестокости и может быть обвиняем в нравственной распущенности»⁴. В ряде работ Плеханов предупреждал, что сепаратный мир, заключение которого **иницировали** определенные силы России, **отвечал интересам** Германии, еще с весны 1915 г. стремившейся к подписанию «почетного мира» с Россией. Любое соглашение с Германией, осуществленное без участия стран Антанты и в то время, когда военные действия проходят на территории России, предупреждал Плеханов, необходимо будет заключено **с учетом требований** Германии. Условия такого мира повлекут катастрофические последствия не для одной России, но и мира в целом. Государство окажется в еще большей зависимости, чем та, в которую ее поставил российско-германский экономический договор 1905 г.⁵ Если цели, поставленные финансово-промышленными, военными и националистически настроенными кругами Германии, указывал Плеханов, не будут достигнуты, эти же силы, по истечении некоторого времени, развяжут новую мировую войну, о чем открыто заявляли их представители⁶.

Как показали события отечественной и мировой истории, прогнозы Плеханова не страдали преувеличениями. В одной из статей 1917 г. Георгий Валентинович заметил, что ему бы очень не хотелось выступать в роли Кассандры... Прошло всего 24 года, и И. В. Сталин, выступая 7 ноября 1941 г. на Красной площади перед войсками, отправлявшимися по окончании военного парада на битву за Москву, назвал наш народ нацией Плеханова и Ленина...

Документ печатается по авторизованной машинописи (Ф. 1097. Оп. I. Ед. хр. 358. ЛЛ. 1—37) в соответствии с нормами современного русского языка. Авторские примечания заключены в круглые скобки. В квадратных скобках дается расшифровка отдельных мест, перевод латинских и французских выражений, встречающихся в тексте. Материал подготовлен к печати зав. сектором Дом Плеханова РНБ канд. ист. наук Т. И. Филимоновой.

* * *

В конце марта 1917 г. через редактора социал-демократического журнала «Современный мир» Н. И. Иорданского⁷ стало известно, что от Г. В. Плеханова из-за границы получена телеграмма о его скором приезде в Петроград⁸. Вскоре пришло сообщение, что он прибудет 1 апреля по старому стилю в 11 ч. ночи по финляндской жел[езной] дороге.

Для встречи Г. В. Плеханова на границе России представители петроградской прессы выехали на ст[анцию] Белоостров. В 9 ч. 30 мин. вечера прибыли из Торнео поезд, в котором находился Г[еоргий] В[алентинович] с супругой. С этим же поездом прибыли делегаты французских социалистов: Муте, Кашен, Лафон. В одном из следующих вагонов находилась также английская делегация во главе с О'Греди, Вильямом Тором и Сандерсом. В купе вместе с Плехановым находились Шарль Дюма, бывший начальник кабинета министра без портфеля Геда⁹, а также старый друг Г. В. Плеханова доктор Н. В. Васильев¹⁰.

— «Это — говорит Г[еоргий] В[алентинович] — неисправимый пропагандист, мой старый друг д[октор] Васильев, с которым мы когда-то вместе сидели в одном из петербургских участков».

— «Едем мы, — говорит Г[еоргий] В[алентинович], — из Италии кружным путем на Париж, Лондон. В Северном море пережили довольно тревожные часы, т. к. боялись немецких подводных лодок. Нам даже пришлось из предосторожности надевать спаса-

тельные пояса. Потом предавали нам, что следующий за нами пароход подвергся обстрелу немцев¹¹. Но будем говорить о событиях и о том, что волнует нас всех».

О революции в России я узнал в Сан-Ремо. Телеграммы здесь быстро менялись, а вместе с ними менялось и наше настроение. Вначале мы получили телеграмму о восстании в Петрограде, вслед за этим — об отречении Николая II, а затем уже сведения о последующих событиях.

Я счастлив видеть Россию свободной. По пути я встречал офицеров и солдат, которые говорили о революции с полным сознанием того, что под этим словом следует разуметь. Эти воины утверждали, что не допустят возвращения к старому режиму, и я им поверил. Когда друзья мои толковали о вооруженном восстании в России, я всегда говорил, что революцию в России можно совершить только тогда, если восстанут войска и тогда восстание будет вооруженным, в противном случае, оно будет безоружным. В победе России я вижу наивысшее напряжение народных сил и хотел бы видеть такое же напряжение в борьбе с внешним врагом. Противники часто смешивали слова «отечество» и «начальство». Оказывается, что между этими двумя словами лежит огромная пропасть: начальство погибло, а отечество осталось, и не только осталось, но и идет к полной независимости свободными путями, широкими дорогами.

Г. В. Плеханову задают вопрос о возможности его участия во Временном правительстве.

На это Г[еоргий] В[алентинович] отвечает: «Никакого предложения от Временного правительства я не получал. Принципиально я не вижу возражений против участия социалистов в министерстве. Об этом мне приходилось говорить с Гедом, и он вполне разделяет мою точку зрения».

Для встречи Плеханова в Петрограде с 10 час. вечера на Финляндском вокзале стал собираться народ. Преобладала молодежь, но были и люди более зрелого возраста и даже старики. Встретить основоположника русской социал-демократии пришли мужчины, женщины, солдаты, рабочие, работницы, офицеры, чиновники, интеллигенция. Поезд, ожидавшийся к 11 час. вечера, прибыл в половине двенадцатого. К этому времени собралось до 10 тысяч человек. Депутации от различных партийных организаций, профессиональных союзов, рабочих клубов, от солдат, общественных учреждений, от заводов и фабрик, от Петроградского общества журналистов и т. п. Депутации явились со своими флагами, стягами и знаменами, представительницы женских организаций — с цветами — красными розами. Публика выстроилась во всю длину платформы Финляндского вокзала, при чем на первом месте стояла депутация от только что основанной газеты «Единство» — органа политических единомышленников Плеханова¹².

Тысячи людей стояли с обеих сторон перрона: впереди цепью с винтовками стояли милиционеры заводов Выборгской стороны и солдаты нескольких пехотных частей с оркестром музыки. В парадных комнатах Финляндского вокзала собралось представители от депутатий для приветствия Плеханова.

Когда поезд подошел к дебаркадеру, особая группа в составе Бурцева, Чхеидзе, Скобелева, Церетели¹³, Иорданского и других в сопровождении нескольких милиционеров вошли в вагон и на руках вынесли Плеханова на платформу. Руководившие встречей, во главе которых стоял помощник общественного градоначальника Сватиков, наблюдали за порядком.

При появлении Плеханова оркестр заиграл «Марсельезу», раздалась команда «на караул». Вся публика обнажила головы. Под знаменем «Единства», в замкнутой цепи, Плеханов прошел по перрону, сопровождаемый несмолкаемыми, восторженными кликами «ура».

Г. В. Плеханова проводили в парадные комнаты, где первое приветственное слово сказал тогдашний председатель Совета солдатских и рабочих депутатов Чхеидзе. Отвечая оратору, Плеханов извинился, что он будет краток, так как очень устал после трехнедельного своего путешествия в Россию и настолько ошеломлен этой необычной встречей, что скажет только несколько слов.

«Несмотря на все свои ожидания, — сказал Г[еоргий] В[алентинович], — я встретил Россию такой, какой я видел ее только в своих мечтах. Я помню, как сорок лет тому назад, 6 декабря 1876 г. мне удалось произнести речь на Казанской площади под единственным красным знаменем. Сейчас это огромное количество красных знамен с очевидностью явствует, что Россия стала на прочную почву революции и возврат к прошлому немислим. Я не сомневаюсь в светлом будущем России, которое наступит в ближайшее время. Я не сомневаюсь, что единство социал-демократии необходимо и надеюсь, что оно будет достигнуто. В настоящий момент единства мало. Необходимо полное сплочение всех борцов за свободу России для того, чтобы грудью дать отпор внешнему врагу, стоящему угрозой, как России, так и ее свободе у границ ее».

Гром аплодисментов покрыл речь Плеханова.

Затем говорил от имени москвичей вольноопределяющийся, просивший Г[еоргия] В[алентиновича] внести мир и единение в русскую социал-демократию. Выступавшие далее представители рабочих организаций, офицерства, солдат и т. п., приветствовали Плеханова и высказывали ту же мысль и надежду, что Г[еоргий] В[алентинович] своими знаниями и авторитетом объединит социал-демократическую партию.

Г[еоргий] В[алентинович] в кратких словах отвечал каждому оратору в отдельности. По окончании приветствий присутствующие вынесли на руках Плеханова на улицу к ожидавшей и восторженно встречавшей его толпе. На руках Г[еоргия] В[алентиновича] пронесли к автомобилю, и он при восторженных кликах «ура» вместе с президиумом соединенного заседания Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов и Съезда советов отправился в Народный дом на заседание.

В 12 ч. 50 мин. ночи в вестибюле Народного дома раздались оглушительные аплодисменты, и в зал собрания вошел Г. В. Плеханов.

Появление Г[еоргия] В[алентиновича] на трибуне вызвало громовые аплодисменты и клики «ура». Все, как один человек, встали и приветствовали вернувшегося изгнанника.

Чхеидзе обратился к собранию со словами:

«Знаете ли Вы, кто перед вами?»

Гул: — «Знаем!»

«Товарищи, — продолжает Чхеидзе, — Г. В. Плеханов очень устал, а потому он просит меня передать вам его привет и наилучшие пожелания революционному народу.

— Да здравствует Г. В. Плеханов! Ура!

Собрание стоя приветствует Г[еоргия] В[алентиновича]. Оркестр Василеостровского районного совета играет «Марсельезу».

Г. В. Плеханов кланяется и под громовые аплодисменты уходит.

Так провел свой первый день на освобожденной родине изгнанник, в течение десятков лет, лишенный отечества.

Приехавший вместе с Г. В. Плехановым французский социалист Шарль Дюма, бывший секретарем вождя французских социалистов Жюлья Геда, когда последний был министром, в следующих словах передавал свои впечатления от встречи Г[еоргия] В[алентиновича]: «Я присутствовал при торжественном возвращении Г. В. Плеханова на родину; это была для меня, как для социалиста, одна из великих радостей жизни. Я с гордостью заявляю, что принадлежу к числу его друзей, я знаю, как нелегко ему было переносить изгнание, и как он счастлив был вернуться на родину. Революционная Россия с восторгом встретила одного из благороднейших своих сынов, поспешившего вернуться, чтобы служить ей... И я не сомневаюсь, что и в дальнейшем его имя будет окружено тем авторитетом и уважением, которым мы, социалисты, окружали его на чужбине».

На следующий день, 2-го апреля, Г[еоргий] В[алентинович] и делегаты от французских и английских демократических ассоциаций были приглашены на Всероссийское совещание делегатов Советов рабочих и солдатских депутатов. О прибытии гостей собранию сообщил председательствующий Богданов¹⁴.

Все члены Совещания встали с мест и устроили прибывшим долгую и шумную овацию. После речей Кашена¹⁵ и О'Греди на трибуну взошел Г. В. Плеханов. Ему долго не давали говорить. Наконец, водворилась тишина. Г[еоргий] В[алентинович] произнес свою первую большую речь, описывавшую историю его ссылки и всего, сделанного им в деле развития в России социализма.

«Товарищи,— сказал Г[еоргий] В[алентинович],— позвольте мне, еще не оправившемуся от крайней усталости дороги, выразить вам свою искреннюю благодарность за тот горячий прием, который вы мне оказываете. Этот прием я отношу не на свой личный счет, а на счет всего того революционного поколения, которое в продолжение десятков лет боролось под красным знаменем, не теряя веры в русский народ, не теряя веры в успех революции, несмотря на то, что временами успехи реакции были велики, а вся Россия, вместо того, чтобы поддерживать революцию, по выражению поэта, „согнувши выю, молилась за царя“¹⁶. В начале нас было очень немного. Нас, социал-демократов, было мало, но мы так хорошо рычали, что все думали, что нас очень много. И нас действительно стало много. /Смех и аплодисменты/».

Т[оварищи], когда я на Финляндском вокзале поставил ногу на русскую почву, товарищи приветствовали, между прочим, в моем лице одного из писателей, подвизавшегося в области научного социализма.

Действительно, в моей литературной деятельности главная задача моих усилий заключалась в том, чтобы усвоить себе и изложить другим основные положения научного социализма. И вот этого-то писателя, этого несправимого сторонника научного социализма, обвиняли в двух утопиях.

Первая утопия, которую ставили нам в вину, заключалась в том, что мы верили в развитие русского пролетариата. Нас называл утопистами за то, что мы говорили /я сказал это, между прочим, в Париже, на международном съезде 1889 г./: «Русское революционное движение восторжествует как движение рабочего класса, или оно никогда не восторжествует». Это казалось такой утопией многим русским людям, истинным сторонникам прогресса и революции, что люди, искренне расположенные ко мне, говори-

ли: «Георгий Валентинович, что Вы так говорите, неужели, в самом деле, можно верить в русский рабочий класс; можно верить в русскую интеллигенцию — это понятно: русская интеллигенция имеет знания, имеет преданность к делу, но верить в русский рабочий класс можно разве во зло кому-нибудь». И не раз говорили мне: «Вы человек, не лишенный некоторого литературного таланта, обладаете таким несчастным характером, что, как будто назло, неустанно твердите, о русском рабочем классе, неустанно доказывает, что только русский рабочий класс есть истинный носитель прогресса в России». Товарищи, время шло, и то, что казалось утопией, стало представляться реальной истиной. И ваши противники говорили про нас: «Эти люди отличаются очень неприятным характером», а этот неприятный характер, товарищи, заключался в том, что, когда на нас нападали, мы, со своей стороны, старались давать сдачи! Голоса: «Браво», смех, рукоплескания! Но, постепенно, с нами повторялось то самое явление, которое случилось однажды в области, совершенно чуждой политике, и о котором я слышал от старшего немецкого ученого Карла Фохта¹⁶ на одной из его лекций. Он рассказал, что когда Дарвин напечатал свою книгу¹⁷, некоторые ученые старых заветов стали чрезвычайно возмущаться, и один из них писал так: «Да, вы правы, человек, высказывающий подобные вещи,— негодяй, но хуже всего то, что этот негодяй прав». /Бурный смех и общие рукоплескания! Так относились и к нам, говоря: «Да,— это, конечно, утописты, это люди чрезвычайно неприятного характера, это, /употребляя французское выражение/,— злое животное, и оно защищается, когда на него нападают». Но постепенно ход обстоятельств устанавливался так, что истина наших воззрений все более оправдывалась. И вот теперь, когда я имею счастье находиться в свободном Петрограде и обращаться к российскому пролетариату, я спрашиваю вас: «Товарищи, где же эта утопия, в которой нас обвиняют?» Эта утопия, вера в пролетариат, оказалась не утопией, а действительностью. Каждый раз, когда мне говорили об утопии, я отвечал своим противникам: «Наши идеалы, наша утопия — это действительность завтрашнего дня». И вот завтрашний день стал нынешним днем.

— В этот радостный «нынешний день» я приветствую русский пролетариат, как тот класс, который, освободив самого себя, освободил всю Россию. Сделав революцию, он самый ход войны изменил существенным образом, и сам возможный исход войны принимает другой облик.

Вторая утопия, которую ставили нам в вину, заключалась в том, что, когда некоторые нетерпеливые товарищи, кричали о необходимости вооруженного восстания, мы говорили: «Без армии не будет победы, пока солдаты и офицеры не проникнутся революционными чувствами, ваше, так называемое вооруженное восстание, будет не вооруженным восстанием, а восстанием безоружных; направляйте ваши силы к тому, чтобы революционные идеи проникли в армии».

Давно уже положение дел в России таково, что старый царский режим весь изъеденный, можно сказать, молью и червями, режим, покрытый беспримерным в истории позором, опирался только на солдатские штыки. Но, по мере того, как солдат становился сознательным, штыки становились все более и более острыми, и настал, наконец, такой момент, когда сидеть на штыках нашему царю оказалось очень больно. /Общий смех!.

Товарищи, я очень счастлив тем, что в первый раз говорю с освободившимся, со свободным российским пролетариатом в присутствии делегатов от Англии и Франции:

в присутствии делегатов от Англии, страны, которая выработала самую демократическую конституцию в Европе, в присутствии делегатов от Франции, страны, которая сделала великую революцию. А что такое эта великая революция? Это школа, через которую проходили революционеры всей Европы, это школа, через которую проходили революционеры всего мира. Теперь, когда я вступил на Финляндский вокзал, какую музыку я услышал? Марсельезу! Какие речи раздаются? Те самые речи, которые начало свое получили в той же Франции. То, что происходит теперь, конечно, происходит при изменившихся условиях времени. Но это все-таки то, что посеяно было Великой французской революцией. То, что происходит теперь, это осуществление французских идей, которые прозябали в земле и дали росток на другом конце Европы более, чем через сто лет после Великой французской революции. Наш товарищ Мутэ как-то заметил: «...то, что вы у нас взяли, вы должны нам отдать». Товарищи, на это, можно сказать, ростовщическое требование /общий смех/, я отвечаю товарищу Мутэ от имени российского пролетариата, от имени русской революционной армии, здесь находящихся: «Да, товарищ Мутэ, да французский товарищ. Мы отдадим вам все, что у вас взяли, и отдадим это еще с процентами». /Шумные аплодисменты/.

Товарищи, я не хочу, чтобы между нами оставались какие-либо недомолвки и, обращаясь сегодня к вам впервые, я не могу не вспомнить, что меня не раз в русской печати называли социал-патриотом. Французы говорят: «Отсутствующие всегда виноваты». Когда я был в отсутствии, я не всегда был в состоянии, да еще при тогдашних русских условиях печати, ответить эти обвинения. Теперь, когда я имею честь стоять перед вами, я надеюсь, вы позволите мне сказать напрямик, без обиняков, что я думаю об обязанностях русского гражданина по отношению к русской земле.

Меня называли социал-патриотом. Что значит социал-патриот? Человек, который имеет известные социалистические идеалы, и в тоже время любит свою страну? Да, я любил свою страну. В этом нет ни малейшего сомнения. Я люблю свою страну и никогда не считал нужным скрывать это. И, когда теперь я выражаю это прямо и открыто, я уверен, что никто из вас не встанет, чтобы сказать: это чувство должно быть вырвано из моего сердца. Нет, товарищи, этого чувства любви к многострадальной России вы из моего сердца не вырвете... /Бурные аплодисменты/.

Товарищи, в настоящее время всякое цивилизованное общество, а Россия тоже стала цивилизованным обществом, несмотря на то, что наш старый порядок сделал все зависящее, чтобы задержать ее на ступенях варварства, в настоящее время всякая цивилизованная страна делится на различные классы. Я прекрасно знаю, что в России есть эксплуататорские классы, и есть эксплуатируемые. По своему происхождению, товарищи, я мог принадлежать к числу угнетателей, я мог принадлежать к «ликующим, празднично болтающим, обгаряющим руки в крови»; я перешел в класс угнетенных потому, что я любил эту страдающую русскую массу, потому, я любил русского крестьянина и русского рабочего. И, когда я признаюсь в этой любви, разве кто-нибудь обвинит меня в преступлении? Такого человека между нами нет, и быть не может... /Шумные аплодисменты/. Я всегда был за освобождение русской трудящейся массы от ига ее домашних эксплуататоров. Но, когда я увидел с полной ясностью, что к числу Романовых, к числу их приспешников, к числу всех тех, которые стояли жадною толпою у трона, к числу угнетателей русского народа спешат присоединиться Гогенцоллерны, спешат присоединиться немцы, то я указал на обязанность защищать весь русский народ от немцев, за-

щищать его от Гогенцоллернов. Я никогда не понимал, товарищи, почему эксплуататор, говорящий по-немецки, должен пользоваться каким-нибудь снисхождением с нашей стороны сравнительно с эксплуататором, говорящим по-русски. Мы желаем России воли, независимой и избавленной от всякой эксплуатации, откуда бы она ни шла. Вот почему, заканчивая мое обращение к вам, предлагаю присоединиться всем к крику: да здравствует Россия вольная, независимая, избавленная от эксплуатации, как со стороны внутреннего врага, так и внешнего. Товарищи, было время, когда казалось, что защищать Россию значило защищать царя. Это было ошибочно по той причине, что царь не хотел защищать Россию, царь и его приспешники на каждом шагу изменяли ей. Они портили национальную защиту. Но у нас теперь есть, что защищать. Теперь мы сделали революцию и должны помнить, что если немец победит нас, то это будет означать не только наложение на нас ига немецких эксплуататоров, но и большую вероятность восстановления старого режима. Вот почему надо всемерно бороться как против врага внутреннего, так и против врага внешнего. /Бурные рукоплескания/.

Через несколько дней, когда программа совещания была исчерпана, и Съездом вынесена резолюция оборонческого содержания, Плеханову, перед закрытием совещания, снова было предоставлено слово:

«Во время долгого пути в Россию, — сказал Г[еоргий] В[алентинович], я слышал в Западной Европе не только со стороны буржуазных элементов, но и со стороны демократии тревожные вопросы относительно революционной России. На Западе говорили, что старое правительство внесло страшный беспорядок в управление страной. Не внесет ли новая Россия еще новый беспорядок? Против этих опасений я мог тогда противопоставлять только свою веру в здравый смысл русской демократии. Теперь, ознакомившись с результатами работы Съезда, я могу к своей вере в здравый смысл русской демократии присоединить факты, какими являются принятые резолюции. Эти резолюции показали, что русская демократия является зрелой политической силой. Она обладает не только революционным чувством, но и политическим смыслом».

Г[еоргий] В[алентинович] указал на важное значение принятой резолюции об отношении к войне. В дальнейшем Плеханов подчеркнул, что революционная демократия на возникающие в ней вопросы должна смотреть с точки зрения политической целесообразности и избегать того, что может вызвать преждевременную гражданскую войну, полезную реакции, избегать всяких недоразумений между гражданским населением и армией. В заключение Г[еоргий] В[алентинович] призывал не поддаваться демагогическим лозунгам людей, живущих исключительно догмами и фанатизмом.

Речь Г[еоргия] В[алентиновича] была покрыта продолжительными шумными аплодисментами.

Совещание закончилось апофеозом: взявшись за руки, Чхеидзе, Плеханов, Кашен, Мутз и О'Греди символизировали единство международного социализма.

* * *

Приезд Плеханова в Петроград вызвал множество приветствий от рабочих и интеллигенции со всех концов России. Министерство путей сообщения постановило переминуть станцию Протополово Сызрано-Вяземской жел[езной] дор[оги] в ст[анцию] Плеханово. Все газеты и журналы были переполнены статьями и очерками жизни Плеханова, в которых Г[еоргий] В[алентинович] характеризовался как всесторонне образованный человек, блестящий публицист, пылкий оратор, крупный ученый, глубоко-

кий теоретик и видный участник всех Интернациональных социалистических конгрессов.

Вскорости после приезда Г[еоргия] В[алентиновича] в Петроград здоровье его ухудшилось; он поселился в Царском селе и стал принимать ближайшее участие в социал-демократической газете «Единство». Лозунг газеты заключался в объединении всех социалистических групп и партий. В первом номере газеты, в редакционной статье «Революция и пролетариат» политическая позиция редакции формулировалась в следующих выражениях:

«Громадная историческая заслуга российского пролетариата в том, что он сознательно поддержал буржуазную демократию в ее борьбе за власть, что он поддерживает ее в ее стремлении установить и укрепить новый демократический строй. И эта поддержка должна быть решительной, чуждой всяких колебаний, пока буржуазная демократия в лице Временного правительства строго выполняет принятые на себя пред революцией обязательства.

Временному правительству должна быть предоставлена вся полнота власти. Только при этом условии могут быть успешно разрешены наболевшие вопросы экономической жизни, может быть достигнута известная организация хозяйственных сил страны, может быть обеспечена необходимая оборона страны, и могут быть проведены неотложные политические и вообще социальные реформы.

Ошибки возможны с той и другой стороны, разногласия естественны. Но серьезность момента — не исчезающая еще опасность контрреволюции и грозна внешняя опасность — не терпит никакого двоевластия: последнее чревато гибельными последствиями. Частности должны быть принесены в жертву общему делу. Споры по мелким, второстепенным вопросам не должны тормозить проведение в жизнь главных насущных мероприятий, не должны колебать авторитет власти».

По вопросу о войне «Единство» подчеркивало, что своим последним актом «Временное правительство стало на позицию защиты свободной России и поставило целью войны борьбу за освобождение покоренных наций, за свободное национальное самоопределение народностей, за достижение условий, гарантирующих длительный, прочный мир. Это громадная победа демократии, которую не могут не приветствовать все, кому дорого дело революции».

В связи с выходом газеты «Единство» Г. В. Плехановым было получено следующее очень характерное письмо:

«Товарищ Плеханов!

Прочитав вашу газету „Единство“ и обратив внимание на ваше воззвание — „Пролетарии всех стран, соединитесь!“ — я бы посоветовал вам писать: „Буржуазия всех стран, соединитесь!“, так как весь смысл вашей газеты противоречит рабочему и крестьянскому классу. Я открыто скажу, что Вы — человек, продавший свою совесть капиталу. Прошу, товарищ, Вас обратить внимание на то, за Вами никто не пойдет, кроме буржуазии.

Я говорю открыто и смело.

Матрос Балт[ийского] фл[ота] Стефан Кокотько».

Это письмо, напечатанное в «Единстве», Г. В. Плеханов снабдил замечанием:

«Когда я выпустил „Наши разногласия“, тогда даже в среде образованных людей встречалось с доверием то мнение, что я продался правительству. Теперь меня считают

продажным очень темные люди. Из этого следует, что Россия все-таки продвигается вперед, хотя и не с такой быстротой, какая была бы желательна.

Г. Плеханов».

В день первого открытого празднования в России I-ого мая Плеханов был нездоров и не мог принять участия в митингах, где ожидалось его выступление, но, тем не менее, на два митинга, устроенных, 1) — группой «Единство» и, 2) — «артелью социалистического студенчества», Г[еоргий] В[алентинович] прислал письма. Организационному комитету группы «Единство» он указывал, что, прежде всего, необходимо упрочить и обеспечить завоеванную свободу, а для этого необходимо всем объединиться. Необходимо объединение рабочего класса с другими классами на почве защиты этой свободы. Другое условие прочности этой свободы — не быть побежденным германским империализмом. А такая опасность очень велика, так как у русской свободы один из наиболее опасных врагов — Вильгельм. Принимая участие в войне и защищая родину, пролетариат не изменяет своим классовым интересам, а защищает свою родину с оружием в руках, как это делают социал-демократы других стран. В заключение Г[еоргий] В[алентинович] призывал русских рабочих проникнуться взглядами группы «Единство». Письмо это было прочитано женой Плеханова.

На митинге, устроенном «артелью социалистического студенчества», было получено следующее программное письмо Г[еоргия] В[алентиновича]: «Дорогие товарищи! очень жалею о том, что нездоровье, — надеюсь, непродолжительное, — помешало мне лично выразить вам свое сочувствие. Но, на нет суда нет. Я вынужден ограничиться письменной беседой с вами. Для освободительного движения международного пролетариата очень важно, чтобы к нему примкнуло как можно больше людей высшего образования. Образование помогает разбираться в явлениях и оценивать их исторически. Имея дело в вашем лице с людьми, работающими над своим образованием, я позволю себе обратить ваше внимание на следующее обстоятельство:

Праздновать Первое мая было решено на Международном социалистическом съезде 1889 г. На этом съезде были представители от многих капиталистических стран, тогда уже стоявших на более высокой ступени экономического развития, чем та, которой достигла теперь Россия. Анархисты предлагали съезд звать пролетариат к социальной революции. Съезд, в большинстве своем состоявший из марксистов, пригласил этот пролетариат добиваться 8-часового рабочего дня. Он понимал, что социальная, точнее социалистическая революция, предполагает долгую и просветительную, и организационную в недрах рабочего класса. Об этом забывают у нас теперь люди, зовущие русскую трудящуюся массу к захвату политической власти, которую она могла бы иметь в том случае, если бы находились в наличности объективные условия, необходимы для социальной революции. Этих условий пока еще нет, и нам, знакомым с научным методом, следует как можно чаще напоминать об этом всем тем, кому ведать надлежит. Задача левых партий в России заключается в систематическом упрочении позиций, добытых только что свершившейся революцией. Для решения этой задачи они должны ни низвергать Временное правительство, как этого хотели некоторые политические фанатики, а дружно поддерживать его.

Г. Плеханов».

В начале мая московская газета «Русское слово» обратилась к Г. В. Плеханову с просьбой высказать свой взгляд на текущий момент. Г[еоргий] В[алентинович] ответил статьей, которая была передана в Москву по телефону. В этой статье Плеханов писал:

«Salus populi suprema lex! [Благо народа — высший закон!, — лат., публ.] Если бы пролетариат отказал в своей поддержке нашему правительству под предлогом, что — правительство буржуазное, он увеличил бы в громадной пропорции шансы контрреволюции. Как справедливо замечает Маркс в одном из своих писем от 1871 г., реальные успехи рабочего движения обратно пропорциональны развитию сектантства в социализме. И это еще не все.

Если реакционный Катилина живет еще и интригует внутри нашей страны, то германский Ганнибал стоит у наших ворот. Мы должны прогнать его во что бы то ни стало, и это будет победа нашей молодой свободы».

Свою статью Г. В. Плеханов заканчивал словами: «Русский пролетариат знает, что такое наш прежний режим. Он тоже должен свалить и придавить коленом его грудь. Но, чтобы совладать со своим злейшим врагом, он должен обратиться к доброй воле тех русских граждан, которым опротивел позорный режим воров и разбойников, фанатичных монахов, распутников, изменников и шпионов.

Тесное единение всех граждан перед лицом опасности нового поражения в борьбе за свободу — вот тактическая задача, которая стоит перед русским революционным пролетариатом. Будем остерегаться непримиримой лже-агитации агентов-провокаторов».

Коснувшись сотрудничества Г. В. Плеханова в газетах «Единство» и «Русское слово», считаем не лишним упомянуть здесь также о странном эпизоде одной из статей Г[еоргия] В[алентиновича] в основанной министром Протопоповым газете «Русская Воля»¹⁸.

Еще в конце 1916 года политические друзья Плеханова получили из Сан-Ремо телеграмму, в которой Плеханов запрашивает, какой характер будет носить новая газета «Русская Воля», во главе которой стоят Гаккебуш, Гредескул и Grimm, и в какой степени является возможным участие в этой газете. Друзья ответили, что участие в газете «Русская Воля» недопустимым, и указали, что газета будет издаваться на банковские деньги. Между прочим, в ответной телеграмме друзей Плеханова указывается, что в политических кругах относятся к новой газете до такой степени отрицательно, что одному из ее руководителей, Гредескулу, пришлось выйти из центрального комитета партии Народной свободы. Друзья Плеханова категорически отрицают, будто он дал согласие участвовать в новой газете. Отказались принять участие в новой газете и члены Парижской группы «Призыв», с которыми также велись переговоры.

Тем не менее, в литературных кругах распространилась весть о полученном будто бы согласии от Г[еоргия] В[алентиновича] на сотрудничество в «Русской Воле». Это известие вызвало появление в Петроградских газетах следующего письма депутата Думы Бурьянова¹⁹ и Иорданского:

«Ввиду упорно распространяемых заинтересованными людьми нелепых слухов об участии Г. В. Плеханова в организованной А. Д. Протопоповым газете „Русская Воля“, мы, представители политических единомышленников Плеханова, доводим до общего сведения: Г. В. Плеханов телеграммой на имя Н. И. Иорданского от 12 ноября сего года

уполномочивает заявить в печати, что все слухи о присылке им статьи в „Русскую Волю“ и, вообще, об его участии в этой газете совершенно ложны.

Член Государственной думы А. Бурьянов.

Редактор журнала „Современный мир“ Н. И. Иорданский.

Петроград.

16 ноября 1916 года.»

Однако, несмотря на опровержение, 5 января 1917 г. в «Русской Воле» появилась статья Плеханова «Стены Бельгии». Как попала она в банковскую газету, неизвестно. Некоторый свет на эту загадочную историю пролило редакционное заявление, напечатанное в одной из книжек журнала «Дело»:

«В 7—8 № „Дела“ было объявлено о предполагающемся помещении в 9—10 книжке нашего журнала ст[атьи] Г. В. Плеханова „Стены Бельгии, логика Циммервальда и рабочий Интернационал“. Ст[атья] эта была получена редакцией „Дела“ вместе с сопроводительным письмом Плеханова, в котором он предупреждал, что статья эта будет напечатана в издающейся в Париже газете „Призыв“.

Статья уже была набрана и сверстана, в № газеты „Русская Воля“ от 5 января появилась та же самая статья под укороченным заглавием „Стены Бельгии“ и с указанием редакции „Русской Воли“, что она, будучи предназначена для № 56 „Призыва“, доставлена Г. А. Алексинским²⁰ в корректурных оттисках для напечатания».

Редакция «Дела» не считая возможным печатать статью, после того, как она была опубликована в органе, издающемся в России, и особенно в таком органе, как «Русская Воля», вынуждена в силу этого отказаться от помещения данной статьи.

В середине апреля Г. В. Плеханов обратился в Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов с заявлением о предоставлении, на общих с другими партийными организациями началах, организации «Единство», имеющей разветвления по всей России, право представительства в Исполнительном комитете в лице его, Г. В. Плеханова и Л. Г. Дейча. Исполнительный комитет большинством 23 голосов против 22 не нашел возможным предоставить организации «Единство» это право, но постановил большинством в 27 голосов против 5, при 10 воздержавшихся, пригласить Г. В. Плеханова в Исполнительный комитет с совещательным голосом. Отказ организации «Единство» в представительстве объяснялся тем, что организация эта, лишь недавно образовавшаяся, не располагала еще таким количеством членов, которое давало бы ей право на самостоятельное представительство.

Г[еоргий] В[алентинович] был избран представителем в Совет рабочих и солдатских депутатов от Центрального управления железных дорог, получивши 1040 избирательных записок, против 348, полученных его конкурентом А. Н. Соболевым.

В начале мая при Министерстве путей сообщения была организована комиссия по улучшению материального положения железнодорожных служащих. Министр Н. В. Некрасов предложил Плеханову принять на себя председательствование в этой комиссии, и Г[еоргий] В[алентинович] принял предложение, заявив, что вопросам труда и особенно в такой отрасли, как железные дороги, он придает значение первостепенной государственной важности. Плеханов с необыкновенной энергией, несмотря на

свой возраст и на болезненное состояние, принялся за работу в комиссии, и к концу мая занятия ее были закончены²¹.

«25 мая товарищ министра путей сообщений Морацевич сделал в Исполнительном комитете Совета рабочих и солдатских депутатов сообщение о материальном положении железнодорожных служащих и рабочих. Временное правительство исчислило, по его словам, кредит, необходимый для улучшения положения железнодорожников в 220 млн руб[ей] для казенных дорог и в 70 млн руб[лей] для частных железных дорог. Комиссия же Г. В. Плеханова признает необходимым ассигновку на улучшение положения ж[елезно]д[орожных] служащих 1 миллиарда руб[ей]. Так как Временное правительство по финансовым соображениям не считает возможным удовлетворить все требования железнодорожников, то, по словам товарищ министра путей сообщений, в первую очередь будет улучшено положение наименее обеспеченных категорий служащих и рабочих. Исполнительный комитет признал точку зрения правительства соответствующей его точке зрения».

За подписями Плеханова и Некрасова «всем казенным и частным железным дорогам и в ставку была разослана телеграмма, извещающая, что комиссия, обсудив тяжелое материальное положение железнодорожников, решила немедленно придти на помощь наиболее нуждающимся труженикам, признав необходимым для рабочих и служащих железных дорог повысить военные прибавки: до 100 рублей — в дорожных районах, до 40 рублей — в самых дешевых».

Комиссия признала необходимым, чтобы все служащие и рабочие каждого данного узла получили минимальную прибавку в одинаковых суммах.

Установленные комиссией прибавки выплачиваются всем тем служащим, которые имеют право на военные прибавки.

Для лиц, получающих квартиру в натуре, прибавка сокращается на 15%.

Все прибавки носят временный характер, до предположенного в текущем году всероссийского железнодорожного съезда».

Кроме того, Г[еоргий] В[алентинович] лично, за своей подписью, известил по телеграфу «всех железнодорожников, что состоявшаяся под его председательством комиссия окончила работу по выработке норм и правил, касающихся улучшения материального положения железнодорожных рабочих и служащих в условиях переживаемого военного времени. К крайнему сожалению, истощение финансовых средств государства лишило комиссию возможности оказать железнодорожным служащим и рабочим всю ту помощь, в какой они нуждались и нуждаются, что вызвано недостатком у государства финансовых средств. Г. В. Плеханов твердо верит, что в огромном большинстве своем железнодорожные служащие и рабочие прекрасно сознают свои обязанности перед родиной и ни за что не захотят привести ее на край гибели тем или иным необдуманным выступлением. С другой стороны, Г. В. Плеханов указывает, что министерство путей сообщения, согласуя свои мероприятия с мероприятиями министерства труда, ни на минуту не упустит справедливых требований железнодорожных тружеников, которые вынесли и продолжают выносить много незаслуженных лишений».

Выработанные нормы получили среди железнодорожников название «плехановской прибавки».

По случаю наступления 18 июня²² Центральный комитет партии «Единство» организовал манифестацию наряду с другими оборонческими группами и объединениями.

К 4 час[ам] дня манифестация с оркестром военной музыки, исполнявшим «Марсельезу», подошла к Казанскому собору. На красных знаменах надписи: «Да здравствует наступление!», «В добрый час, первая русская революционная армия!», «Да здравствует наступательная армия 18 июня!», «Война до победного конца!», «Привет братьям в окопах!» и др[угие].

В двух экипажах манифестации идут инвалиды — участники съезда увечных воинов.

Огромная масса манифестантов в несколько тысяч человек собирается у Казанского собора.

И на том месте, где 41 год назад, 6 декабря 1876 г. Плеханов говорил свою первую революционную речь ²³, Г[еоргий] В[алентинович] произносит оборонческое патриотическое слово.

«Если я вас спрошу, граждане, какой сегодня день, вы ответите: „Понедельник“. Нет, граждане, сегодня воскресенье, воскресенье для нашей родины, для всего русского народа. Великий праздник этот дала нам славная русская революционная армия. День, когда мы отбросили врага от наших границ, — первый день пробуждения России, ее воскресения. Было бы величайшим нашим позором, если бы мы, опьяненные своей свободой, изменили нашим верным союзникам. Этого не должно быть, граждане. Каждый из нас в отдельности и все мы вместе обязаны положить все свои силы, дабы обеспечить торжество демократических начал во всем цивилизованном мире».

* * *

К событиям 3—6 июля Г. В. Плеханов отнесся, конечно, отрицательно.

«Единство» писало:

«Мы вызываем к революционному чувству, одушевляющему членов Совета рабочих и солдатских депутатов, мы верим в их здравый смысл и ждем, что завтра они вынесут решение, достойное сознательного рабочего класса, и способное успокоить страну, которую, наверно глубоко и болезненно взволновали вчерашние петроградские события».

По словам Д. Рязанова, в июльские и августовские дни никто, наряду с буржуазной прессой, не обливал такой клеветой и такой бранью большевиков, как орган, во главе которого стоял Плеханов ²⁴.

* * *

Немедленно за ликвидацией июльских событий Керенский принялся за реорганизацию своего «кабинета», решив увеличить количество министров до 15—16. Г. В. Плеханов 14 июля был приглашен в Зимний дворец и ему был предложен портфель министра торговли и промышленности. Кандидатура Г[еоргия] В[алентиновича] обсуждалась во всех фракциях Сов[ета] раб[очих] и сол[датских] деп[утатов] и встретила неодобрительное решение. В Центральном исполнительном комитете указывали на то, что, независимо от своих политических взглядов, Плеханов в настоящее время не представляет никакой значительной организованной политической группы. Поэтому пребывание его в составе правительства не может явиться фактом, укрепляющим власть, признанную спасти страну. Ввиду определившегося отрицательного отношения к вхождению Плеханова в правительство Г[еоргий] В[алентинович] отказался вступить в состав министерства ²⁵.

* * *

12 августа в Московском Большом театре было Государственное совещание²⁶, на котором Г. В. Плеханову было предоставлено слово наряду с Кропоткиным и Брешко-Брешковской как «представителям русской истории», по выражению Керенского. Г[еоргий] В[алентинович] был встречен аплодисментами со стороны центра и правых; левые молчали.

«Я не позволю себе сказать здесь слова,— так начал свою речь Г[еоргий] В[алентинович],— которые повели бы к возбуждению бурных страстей, потому что нет места взаимному раздражению между партиями, которые съехались сюда для участия в Государственном совещании. В этот торжественный и грозный час, который переживает в настоящее время родина, мы обязаны, и на каждом из нас лежит обязанность выдвигать не то, что нас разделяет, а то, что нас объединяет.

Я,— продолжает Г. В. Плеханов,— был революционером и был только революционером. Я надеюсь и уверен, что у вас хватит терпимости, чтобы выслушать откровенную исповедь русского революционера.

Если точно формулировать то, что произошло весной 1917 г., то надо сказать, что революцию сделала, действительно, страна. Народ восстал, разразилась буря, и наша Государственная дума поддержала эту бурю. Она содействовала ей и в этом ее великая заслуга. Мы были неблагодарными и неблагородными людьми, если бы позабыли об этом.

Но нужно помнить, что для того, чтобы против позорного режима самодержавия восстал, наконец, весь народ, для этого нужна была чрезвычайно продолжительная упорная и самоотверженная работа. Нужно с историческим беспристрастием сказать, эту длинную, упорную и самоотверженную работу сделала именно крайняя революционная демократия.

Если вы окружите этот исторический факт заговором молчания,— говорил Г[еоргий] В[алентинович], обращаясь направо,— все равно о нем заговорят камни и дерево: камни центральных тюрем и дерево сибирских этапов. Теперь главная задача торгово-промышленного класса — увеличение производительных сил России, она неразрешима теперь иначе, как в союзе и сотрудничестве с рабочим пролетариатом».

Обращаясь налево, оратор говорил: «Ведь вы признаете, что это революция буржуазная, капиталистическая. Так я слышал от вашего вождя в тот день, когда он приехал в революционную Россию и пришел впервые в ваш Совет. Но тогда послушайтесь логики самой элементарной, в самых словесных обозначениях заключенной: буржуазная — может ли она быть без буржуазии, капиталистическая — может ли она быть свободной от капиталистического элемента? Вы дали большой вексель массам русским, и они приняли его к учету, и платили вашу победу на городских выборах. Сумеете ли вы уплатить, оставшись одни, в отъединении от буржуазного класса? Не окажетесь ли вы великим банкротом?».

В этой речи, произнесенной с певучей, несколько растянутой дикцией, схожей с декламацией французского трагика, сопровождаемой широкими плавными жестами, Г. В. Плеханов говорил о кадетях и разоблачал их классовую тенденциозную политику, но тут же быстро переходил к порицанию Церетели. Он обращался с призывом к капиталистам, к необходимости их самоограничения, но тут же указывал на необходимость со стороны рабочих умерить свои экономические требования. При этом оратор расска-

зал ирландскую легенду о двух остервенелых кошках, которые дрались о тех пор, пока от обеих не остались одни хвосты.

Единственное средство спасти страну от гибели — это единение. Тогда не будут страшны ни Маккензены, ни Гинденбурги, ибо, если не последует это единение, то безусловно погибнете и вы, сказал оратор, обращаясь к левым, и вы,— обращаясь к правым.

Встреченный при своем появлении лишь аплодисментами центра и правой, Плеханов сошел с кафедры под бурные аплодисменты всего зрительного зала, включая и левую сторону.

В кулуарах говорили, что Плеханов спас положение, испылив всю неудачу Государственного совещания, что он один нашел и сказал нужное слово, предотвратившее его полный провал.

* * *

После окончания Государственного совещания московским комитетом партии «Единство» был устроен, в Театре на Никитской, митинг, в котором Г. В. Плеханов выступил с большим докладом о своих впечатлениях от Совещания.

Г. В. Плеханов начал свою лекцию с нескольких осторожных слов *pro domo sua* [про свой дом, в защиту себя и своих дел, лат — публ.].

На Московском совещании, где он выступал вместе с Е. К. Брешко-Брешковской и П. А. Кропоткиным, слово этим трем «учителям революции» было предоставлено не как представителям определенных партий или организаций, а как «группе русской истории».

Г. В. Плеханов считает для себя честью, если его признают русским историком, но не имеет претензии быть лицом историческим, и считал бы такую претензию безумным, недопустимым самолюбием. И здесь он выступает не в качестве такой ипостаси, а в качестве представителя скромной социал-демократической группы «Единство». Он предпочитает, подобно Ахиллу, быть поденщиком на земле, чем царем в мрачной Анде, предпочитает быть поденщиком живой революционной действительности, чем принадлежать лону истории.

Подвести итоги Московского совещания — задача трудная. Совещание не было ни съездом, ни парламентом, оно не принимало резолюций, не одобряло и не отвергало законов — оно было только совещанием, обменом мнений. Нет конкретных данных для анализа, есть только то настроение, та психология, которые подлежат оценке.

Но все некоторой, конечно, до известной степени субъективной оценке оно поддается.

На Совещании встретились лицом к лицу люди, которые редко встречаются иначе, чем в полемике литературной, и столкновение их мнений было одним из тех, про которые французы говорят: «*Du choc des opinions jaillit la verite*» [в споре рождается истина — фр., публ.].

Да уже одно это свидетельствует, что Совещание не осталось безрезультатным, что первый итог подвел ему Керенский. Он и в лице его все Временное правительство сделали известные выводы, которые должны отразиться на их деятельности, а, следовательно, вот уже и есть осязательный результат Совещания.

Два дня Совещание шло бурно; казалось. Представители противоположных лагерей ни на чем не сойдутся, но и окончательно порвут все и разойдутся в разные сторо-

ны, чтобы с новым ожесточением начать борьбу. Но вот на третий день произошло то событие, которое пресса назвала «символическим рукопожатием». Бубликов подошел с протянутой рукой к Церетели, и Церетели крепко пожал ее при бурных аплодисментах всего зала.

Это символическое рукопожатие свидетельствует, что необходимость соглашения сознается обеими сторонами. Пусть это соглашение не политическое, пусть пока оно только психологическое, но необходимость его признана, — и это очень важный факт.

Его отметил в своей заключительной речи и Керенский. Но тут с ним лектор не согласен. Керенский сказал, что первым сделает уступку тот, кто больше любит родину. Это неоспоримо, но в таких случаях нужна большая определенность.

— Не напоминают ли вам эти слова Керенского аргумент няньки в детской: «Кто умнее, тот первый перестанет драться».

Но даже в детской такие нравоучения редко сопровождаются успешным эффектом.

Здесь, в Москве, перед лицом памятника Минину, особенно уместно было бы определенное слово.

По мысли Плеханова, впрочем, историческое положение таково, что от обоих борющихся лагерей, — имущих, и, прежде всего, пролетариата, — не требуется даже каких-либо жертв. Жизнь сама зовет их к соглашению на почве охраны реальных интересов как тех, так и других. Нужны, разумеется, и энтузиазм, и самопожертвование, но сами по себе они не могли бы разрешить катастрофического положения, но в данный момент сами исторические условия ведут к благоприятному соглашению.

Экономические интересы торгово-промышленного класса требуют от него в его же интересах шагов, направленных навстречу классу рабочему. Война не вечна, — она кончится. Но кончится эта война, — начнется другая, быть может, более страшная, — война экономическая.

Разруха в значительной степени обуславливается взаимным недоверием между промышленниками и рабочими, отсутствием возможности столкнуться. Чтобы положить этому конец, торгово-промышленный класс должен принять определенную программу широких социальных реформ /лектор понимает их как социалистическую программу-минимум/²⁷.

Возражают, что реформы невозможны, ибо заработная плата так высока, что поглощает все средства предприятия. На это я должен возразить, что это далеко не всегда так, что это в общем столь же преувеличено, как преувеличены толки о баснословных военных барышах предпринимателей. Это — случаи исключительные, а не общее правило. Не надо забывать, что дороговизна обгоняет рост заработной платы, и что средняя плата, например, ткачу, 90 руб. в месяц, при современной дороговизне, далеко не является чрезмерным вознаграждением. Существующие же преувеличенные требования, желание урвать во что бы то ни стало, есть также результат экономической разрухи, неорганизованности рабочих, их неуверенности в завтрашнем дне, неуверенности в том, что, если сегодня требования рабочих выслушиваются, то завтра государство или имущий класс не отнесется к ним с пренебрежением. И вот для прекращения всех этих ненормальностей и необходим широко задуманный и твердо проводимый план социальных реформ, дающий рабочим твердую уверенность в что будущее их не зависит от случайных обстоятельств. Такой план может и должен послужить прочной основой и для будущего политического соглашения между обоими классами. Это явится необхо-

димой предпосылкой развития производительных сил России, без чего Россия обречена на гибель, обречена на судьбу нищего, побирающегося с сумой и клюкой. Она не вынесет своих долгов, она не вынесет тяжести уплаты процентов по 60-миллиардному долгу, оставляемому ей войной, и в этом соглашении, в создании роста производительных сил, почетная историческая роль принадлежит торгово-промышленному классу.

Во второй части лекции, отвечая на ряд поставленных ему вопросов, Г. В. Плеханов особенно остановился на двух пунктах: отношении к войне и создание твердой власти.

Огромное превосходство Германии над нами в экономическом отношении особенно сказалось в военной технике. Немцы называли нас, с этой точки зрения, варварами и готовились расправиться с нами как таковыми, и мы, действительно, в экономическом отношении перед ними — варвары, жалкие, убогие нищие. Была в 1915 году жива еще душа русского солдата, когда он отступал, защищаясь хотя бы дубиной.

Я решительно отвергаю идеи Циммервальда²⁸: они являются не только отказом от национального социализма, но и изменой всем традициям Интернационала. Говорю это как участник всех, кроме двух, конгрессов Интернационала. Идеи Циммервальда интернациональны²⁹. Я не вижу ничего позорного в названии «социал-патриот», ибо оно означает, что человек, будучи социалистом, любит свою родину. И, чем дальше развиваются события, тем больше выясняется правильность именно этой точки зрения. Я с полным сочувствием повторяю слова Керенского: «Будь проклят тот, кто скажет, что эта война должна быть окончена теперь». Мы должны вести энергичную борьбу с империализмом центральных империй, ибо иначе нам через несколько лет предстоит новая война. Мы должны помнить о революционной гордости французских революционеров, которые говорили, что они не ведут переговоров с врагом, попирающим их родную землю. А Германия не только уже попирает нашу землю, но и грозит отнять наш юг, Одессу, угрожает Петрограду. Я глубоко уверен, что каковы бы ни были догматические заблуждения социализма, русские революционеры единодушно станут на защиту родины.

Но чтобы вести войну, нужна твердая власть. Вспомните французских революционеров 1848 года, изошедших словами и поглощенных контрреволюцией, и революционеров 1789 года и следующих годов, мрачных и суровых, быть может, даже жестоких, но не говоривших только, а действовавших, когда родина была в опасности. В революции также нужен элемент принуждения. Не тот жесток, кто принимает меры, пусть даже жестокие, а тот, кто попустительствует нарушениям закона.

Эти жестокие меры положат конец контрреволюции. Она не в кармане П. Н. Милюкова³⁰, а в анархических выступлениях, которым должен быть положен конец. И процесс решения борьбы с контрреволюцией и анархией ускорился, благодаря Московскому совещанию, и это его самый важный результат.

После реплик Г. В. Плеханова на предложенные вопросы местная группа «Единого» чествовала лектора по поводу его первого приезда в Москву, особенно ярко подчеркнув в своем приветствии политическую честность старого вождя социал-демократии, не поступившегося ничем из своих убеждений, хотя за это ему был бы триумф вместо вражды, которую он встретил.

В кратком блестящем ответе Г. В. Плеханов просил его не захваливать. Он чувствует себя от похвал опять вознесенным на небо истории, но он хочет оставаться на своем месте бойца на земле.

— Почти тридцать лет уже я чувствую себя как бы преподавателем в школе, где ученики экзаменуют учителя, и яростнее всего нападает «Камчатка».

Но нападки не страшны оратору. Он уверен, что и на этот раз, как бывало до сих пор всегда, к нему придут и скажут:

— Правы были вы, а не мы. И этот момент ближе, чем думают.

Единодушными аплодисментами и просьбами навещать Москву чаще и даже переходить совсем проводила публика блестящего оратора.

Так свою неизменную идею о необходимости реформ, взаимных уступок и объединения носителей труда и капитала проповедовал Г[еоргий] В[алентинович] со дня приезда в Россию, где бы он не выступал в течение восьми месяцев Февральской революции.

* * *

Приведем еще некоторые мысли, высказанные Плехановым о войне империалистической и гражданской, об участии в войне социалистов, о братании, о сепаратном мире и т. д.

О войне. В апреле на улицах Петрограда в громадном количестве разбрасывалось следующее воззвание, подписанное Г. В. Плехановым, Л. Г. Дейчем и В. И. Засулич:

«Гражданки и граждане. Отечество в опасности. Не надо гражданской войны. Она погубит нашу молодую свободу. Необходимо соглашение Совета рабочих и солдатских депутатов с Временным правительством. Нам не надо завоеваний. Но мы не должны дать немцам подчинить себе и Россию. Каждый народ имеет свободно располагать своей судьбой. Вильгельм германский и Карл австрийский никогда не согласятся на это. Ведя войну с ними, мы защищаем свою и чужую свободу. Россия не может изменить своим союзникам. Это покрыло бы ее позором и навлекло бы на нее справедливый гнев и презрение всей демократической Европы»³¹.

* * *

Об участии социалистов войне с Германией Г[еоргий] В[алентинович] высказал следующую мысль:

«Войны делятся на завоевательные „захватные“ и оборонительные „защитные“. Первые преступны, вторые — принципиально законны. Социалисты всех стран должны всячески противодействовать первым и принимать участие во вторых. Настоящая война является завоевательной для Германии и оборонительной для ее врагов: „Не мы грозим существованию Германии, а она грозит нашему существованию“. Следовательно, социалисты держав Согласия [Антанты — публ.], сражаясь против Германии, верны идее Интернационала; немецкие же социалисты — изменники, отступники, „эгоистические циники“, „социалисты-империалисты“. А общий вывод очевиден сам собою: Теперь социалисты всех стран обязаны поддерживать всякую меру, которая может хоть немного задержать успехи германского империализма, этой „bestia triumfante“ [торжествующий зверь — фр., публ.], представляющей собою страшную угрозу международному социализму».

* * *

А вот каков был взгляд Плеханова на гражданскую войну: «Перспектива гражданской войны должна приводить в содрогание каждого сознательного революционера наших дней. Гражданская война умножит шансы контрреволюции. Поэтому превосходно делало большинство революционной демократии, всеми силами стараясь предупредить ее.

Им оно исполнило свой долг перед рабочим классом и перед всей страной. Но когда вино налито, его надо пить,— говорят французы. Когда сторонники Ленина начинают гражданскую войну, демократическое большинство обязано защищать свою позицию и свое правительство. А когда на эту позицию и на это правительство предпринимается вооруженное нападение, тогда нельзя довольствоваться добрыми советами и по части общественного спокойствия, и хорошими речами о выгодах общественной тишины. Оружие критики становится бессильным там, где начинается критика посредством оружия. Проклятие тем, которые начинают гражданскую войну в эту тяжелую для России минуту. Горе тем, которые не умеют ответить насильникам ничем, кроме хороших слов. На кого нападают, тот не может не защищаться, если верит в правоту своего дела».

* * *

По вопросу о братании как одном из способов борьбы за мир Г[еоргий] В[алентинович] высказался следующим образом:

«Если бы вся русская армия побраталась со всеми австро-германскими войсками, направленными против русского фронта, то это было бы равносильно заключению сепаратного мира России с Австрией и Германией. Желают ли такого мира наши спасители Интернационала? Нет, они уверяют, что никто из них не желает этого. Но если они его не желают, то они не должны проповедовать идею „братания“, полное осуществление которой привело бы именно к такому миру».

Г. В. Плеханов напоминал, что вопрос о братании не новый, что он уже обсуждался на социалистических съездах:

«На Цюрихском социалистическом съезде 1893 г. Домела Ньюенгайс предложил, на случай международного столкновения, военную стачку, одной из форм которой является братание, столь желанное Ленину и всем полуЛениным.

Как же принял съезд предложение Ньюенгайса? Он отверг его, как не выдерживающее социалистической критики.

Я напоминаю об этом тем из наших социалистов, которые неокончательно подпали под влияние Ленина из „Правды“ и полуЛениных из „Рабочей газеты“»

* * *

Отношение Г[еоргия] В[алентиновича] к сепаратному миру сказалось в следующих словах:

«Прежде всего, должны быть решительно и бесповоротно отвергнуты всякие о сепаратном мире России с центральными державами. Такой мир был бы не только позорным для России, он причинил бы ей огромный, может быть, непоправимый вред. Такого мира у нас никто не хочет, за исключением некоторых безответственных лиц.

На меня не раз сыпались во время войны такие обвинения, что мне становилось стыдно не себя, а за моих обвинителей. Повторяя слова Дантона, я скажу: „Что мне мое имя“. Пусть меня запятнают, лишь бы русская революция не погибла под ударами германского милитаризма. Гражданин Троцкий обвинял меня в том, что мое имя подписа-

но под воззванием группы „Личного примера“. По нашему мнению, боевая мощь армии падает, и мы должны личным примером поднять дух армии. Это никому не запрещено, тем более, если это связано с самопожертвованием.

В нашей армии нет деморализации, а есть недоумение. И людям, проникнутым пессимизмом, кажется, что в армии нравственное разложение духа. Явление дезертирства некоторые объясняют тем, что якобы дезертиры не знали целей войны и потому покинули армию. По моему же мнению, они просто не хотели принимать участия в войне. Они еще не дошли до сознания гражданина. К сожалению, революция не разрушила этой психологии, и каждый из нас обязан личным примером разьяснять это солдатам. Тактика слева не разьясняет, а затемняет сознание, и от этого происходит разложение армии и потеря ее боевой мощи.

Сепаратный мир явится самоубийством русской революции. Тогда Германия беспрепятственно продиктует России свои условия, при которых должно остановиться экономическое и политическое развитие нашей страны. Это не теоретические выводы, не гипотезы, а факт. И если мы усвоим тактику, рекомендуемую нам слева, это будет услуга Вильгельму. Возможность всеобщего мира пока только отдаленная цель. В настоящее же время перед нами разоренные, залитые кровью Бельгия, Сербия, Польша. Война наложила на всех тяжелое бремя, но это не значит, что мы должны сидеть, сложа руки».

* * *

Октябрьской революции Г[еоргий] В[алентинович] не сочувствовал. Но, когда она разразилась, Плеханов увидел, что в ней участвуют миллионы пролетариев, и почувствовал новый подъем духа. По словам Б. Горева, в Плеханове в последний раз проснулся революционер-якобинец и старый революционный марксист — учитель русских рабочих. В отличие от правых социал-революционеров и большинства меньшевиков, он, поскольку ему пришлось высказываться в последние месяцы его жизни, понимал историческую неизбежность и закономерность Октябрьского переворота и его пролетарский характер; он не выступал против большевиков с таким бешенством, как представители всех других партий, в том числе и некоторые члены его собственной организации «Единство».

Н. Н. Иорданский³² рассказывает следующее: «Когда 27 или 28 октября 1917 г., ночью, казаки оставили, после дневного боя, местечко Александровское и освободили дорогу на Царское село, я решил зайти к Георгию Валентиновичу, узнать его мнение о происходящих событиях, и часов в 10 утра отправился из Александровского в Царское село, где и нашел Плеханова в большой тревоге. Незадолго до этого кучка красногвардейцев и матросов произвела на квартире Г[еоргия] В[алентиновича], физически большого и душевно издерганного, обыск³³. Наэлектризованные событиями, они допрашивали Г[еоргия] В[алентиновича] «какого он сословия», он отвечал: «Того сословия, которое сорок лет боролось за свободу России»; они потребовали у Плеханова «выдачи оружия», он ответил, что единственное оружие, которым он владеет — перо. Г[еоргий] В[алентинович] ожидал, что его в конце концов выведут во двор и пристрелят. Впоследствии он рассказывал:

— Я был слаб от болезни и нетверд на ногах. Я боялся, как бы они не подумали, что я страшусь расстрела, и попросил кофе, чтобы я мог быть тверд на ногах и не шататься, когда пойду...

Уходя, матросы предупредили Плеханова, что среди красногвардейцев есть разные хулиганы, затесавшиеся в Красную гвардию с целью грабежа, и чтобы он внимательно следил за гвардейцами, которые будут являться к нему производить обыск, и за вещами, чтобы они не пропали. Г[еоргий] В[алентинович] все время нервничал и ждал ареста, приготавливаясь к которому, сменил белье и закурил. О перевороте он говорил мало, только заметил, что большевики взяли власть надолго и не только в районе Петрограда, но и во всей России, что ни Керенский, ни кадеты, никакая другая партия ничего не смогут сделать. В данный момент ни о каком серьезном сопротивлении большевикам не может быть и речи. На бой под Петроградом он смотрел лишь как на бесплодную авантюру казаков, обреченную на неудачу. Это заявление Г[еоргия] В[алентиновича] тем более интересно, говорит Н. Н. Иорданский, что в первые дни переворота, когда матросы и рабочие столицы боролись с отрядами юнкеров и казаков в самом Петрограде и его окрестностях, широкие обывательские массы, враждебные большевикам, утверждали, что диктатура пролетариата может продлиться лишь неделю — другую, никак не больше. Великий ум Плеханова, в первых же Октябрьских залпах почувствовал начало массового социального пролетарского движения, охватившего всю Россию и перебросившегося сейчас на весь мир. Это отношение Плеханова к Октябрьскому перевороту определяется тем, что Г[еоргий] В[алентинович], как он не раз говорил своим единомышленникам, был убежден, что после 25 октября русская революция вступила в период аналогичный периоду Конвента в эпоху Великой Французской революции. И, поскольку власть Советов была выражением сил и развития окрепшей революционной стихии, все попытки свержения диктатуры коммунистической партии всеми ее демократическими противниками вели только к союзу с обреченными на гибель элементами старого общества и должны были закончиться неизбежной неудачей.

Когда в ноябре 1917 г. Керенский, с Красновым во главе небольшой казацкой армии, овладел Царским селом, к Плеханову явился Борис Савинков³⁴ с предложением Г[еоргию] В[алентиновичу] взять на себя составление министерства после того, как войска Краснова войдут в Петроград.

Г[еоргий] В[алентинович] ответил:

— Я сорок лет отдал пролетариату, и я не буду его расстреливать даже тогда, когда он идет по ложному пути. И вам не советую это делать. Не делайте этого во имя вашего революционного прошлого.

Когда тот же Савинков рассказал Плеханову о вероятной победе Краснова, он спросил: «Что ж, если казаки победят, Керенский на белом коне войдет в Петроград?»

Собеседник Г[еоргия] В[алентиновича] промолчал. И тогда Плеханов сказал:

— Бедная Россия!

* * *

После разгона Учредительного собрания³⁵ некоторые старые враги Плеханова припомнили в печати, что он в 1903 г. допускал такую возможность; он ответил в своей последней напечатанной статье «Буки-Аз-Ба», что он от своих слов не отрекается и что хотя в данный момент он считает разгон Учредительного собрания нецелесообразным, но в принципе вполне признает право революционной партии и революционной власти — для блага революции — на такой шаг.

«Высший закон, — писал при этом Плеханов. — это успех революции. Научный социализм судит о правилах политической тактики или вообще политики с точки зрения

обстоятельств времени и места: он и на них отказывается смотреть как на безусловные. Он считает наилучшими те из них, которые вернее других ведут к цели, и он отбрасывает как негодную ветошь тактические и политические правила, ставшие нецелесообразными. Целесообразность — вот единственный критерий его в вопросах политики и тактики».

* * *

Крайне строго относясь ко всякого рода проявлениям авантюризма, Плеханов всегда и неизменно отстранял всякое практическое предложение, с которым к нему обращался Савинков.

Так было в апреле 1917 г., когда он явился к Г[еоргию] В[алентиновичу] войти в редакцию затеваемой им ежедневной газеты. После ухода огорченного Савинкова Плеханов сказал жене: «Не желал быть редактором органа перепугавшейся мелкой буржуазии». Такой отказ от сотрудничества в проектированном Савинковым и Е. А. Ляцким органе продиктовал Г[еоргий] В[алентинович] жене в сентябре 1917 г. в эпоху Демократического совещания.

Друзья Г[еоргия] В[алентиновича] так хорошо были осведомлены о его отношении к Савинкову и его затеям, что зимою 1918 г., когда последний по приезде в Петроград добивался свидания с тяжело больным Плехановым, считали себя вправе ответить решительным отказом.

* * *

К концу семнадцатого года болезнь Плеханова начала принимать угрожающие размеры. Давний туберкулезный процесс возобновил свою разрушительную работу, и Г[еоргий] В[алентинович] переехал в Финляндию и поселился в в санатории Питкяярве³⁶.

30 мая 1918 г. в 2 часа дня Георгия Валентиновича не стало. 9 июня его похоронили в Петрограде на Волковом кладбище, рядом с могилой Белинского³⁷. Это была последняя его воля — покоиться рядом с «неистовым» Виссарионом.

В тот же день вечером, на заседании Петроградского Совета, было произнесено несколько речей, посвященных памяти Г[еоргия] В[алентиновича]: т[оварищами] Зиновьевым, Луначарским, Рязановым, Троцким³⁸ и др. Ораторами говорилось о том, что петроградский сознательный пролетариат не пожелал пойти на похороны своего бывшего учителя, не мог, не должен был пойти и не пошел³⁹. «Тяжело нам было принять такое решение,— говорил один из ораторов. Некоторым из нас, в идейном отношении столь много обязанным почившему, было особенно трудно принять это решение. Отдельные из нас уехали утром из города для того, чтобы заставить себя не пойти на эти похороны. Потому, что пойти было нельзя».

В ряде речей было освещено значение Плеханова в развитии рабочего класса и место его в истории Второго Интернационала.

* * *

Так прожил Г. В. Плеханов последние четырнадцать месяцев своей жизни на родине.

* * *

Примечания

¹ Дейч Л. Г. (1855—1941) — участник народнического движения, один из основателей группы С. Ингерманом в 1912 г. редактировал газету «Новый мир». В 1915—16 гг. издавал оборонческого направления журнал «Новое слово», печатался в газетах «Призыв» и «Единство». После Октябрьской революции — автор многочисленных мемуаров по истории революционного движения; редактор сборников «Группа „Освобождение Труда“», вышедших в 1920-е гг., один из инициаторов создания Дома Плеханова.

² Этому были посвящены вызвавшие большой общественный резонанс выступления Плеханова осенью 1914 г., в первую очередь, его лозаннские рефераты, газетные интервью и публикация работы «О войне» (Paris, 1914). Социально-экономические истоки войны, полагал Плеханов, следовало искать в особенностях исторического развития Германии, ставших следствием объединения германских земель в единое государство при политическом доминировании Пруссии.

Последовавшие за объединением 45 лет экономического развития превратили Германию в высокоразвитое индустриальное государство, определяющей чертой которого являлись высокий уровень концентрации производства и банковского капитала, процесс их сращивания, активный экспорт капиталовложений. Интенсивное развитие капиталистических отношений в стране проходило в условиях сохранения ряда феодальных черт — монархии и крупного землевладения, — и аграрии становились крупными промышленниками, а в собственность «капитанов промышленности» переходили земля и недра. В результате такого симбиоза к началу XX в. юнкерство и буржуазия получили возможность определять курс правительства, направленный на подавление общественного движения внутри страны и усиление гегемонии Германии в мире. Победа в войне 1870—1871 гг., установление протектората над рядом территорий в Африке (1884—1885), захват земель в Китае и Юго-Восточной Азии, овладение частью бывших колоний Испании (1898), участие, хотя и неудачное, в Балканской войне 1912—1913 гг. свидетельствовали о стремлении Германии к переделу мира. Уже в 1914 г. половину бюджета страны составляли расходы на военный-промышленный комплекс. Экспансионистские и пангерманские идеи культивировались в многочисленных союзах, таких как «Флотский союз», «Имперский союз для борьбы с социал-демократией», «Колониальный союз» и ряде других, имевших значительный численный состав и оказывавших серьезное влияние на общественную жизнь страны, в том числе и выборы в рейхстаг. Так, профессор О. Ниппольд в книге «Германский шовинизм» (Berlin, 1913) приводит следующую выдержку из резолюции, принятой на одном из собраний в Галле в 1912 г.: «Мы не можем переносить более положение, при котором весь мир станет владением англичан и французов, русских и японцев. Мы не можем также верить, что только мы одни должны довольствоваться той скромной долей, которую уделила нам судьба сорок лет назад. Времена изменились — и мы не остались теми же. Ныне для Германии больше не представляет важности вопрос, как она ведет свои дела в самой Германии, а важен вопрос, как она ведет свои дела в мире... Только приобретением собственных колоний мы можем обеспечить себя в будущем» (С. 73—74). Рассуждая о возможности территориальных завоеваний, пангерманисты полагали, что право принадлежит тому, у кого хватит силы защищать или захватить, поскольку сила является в то же время наивысшим правом...

Статья «О войне», выдержанная в форме ответа болгарскому социалисту, стала философским и политическим кредо не только Плеханова, но и всех тех, кто настаивал на необходимости демилитаризации и демократизации Германии и, следовательно, ведении войны до ее полной капитуляции перед странами Антанты и теми, кто присоединялся к союзникам в ходе кампании.

Она была написана после событий, подтвердивших шовинистический и варварский характер действий германской армии, циничное попрание международного права уже в первые дни развязанной агрессии. Так, без объявления войны был оккупирован Люксембург, потоплена в крови и разграблена нейтральная Бельгия, отказавшаяся пропустить в немецкие войска через свою территорию, уничтожены памятники архитектуры в Малине, Лувене и Динане, повреждены башни и разрушены бомбежкой бесценные статуи Реймского собора... Акты вандализма и одичания

были продемонстрированы армией народа, возложившего на себя особую культурническую миссию в Европе и мире. Вот как формулировал стоящие перед Германией задачи выдающийся немецкий химик, лауреат Нобелевской премии, физик и философ Вильгельм Оствальд, открыто поддерживавший развязанную Германией войну: «Европейскому индивидуализму необходимо положить конец, а из Европы надо создать одно организованное целое. Для этого должен быть создан особый центральный орган; и таким мозгом Европы может быть только Германия, ибо она одна лишь обладает секретом организаторской культуры» (Чего ждет Германия от войны: Беседы с германскими общественными деятелями. СПб., 1915. С. 102—103).

Именно поэтому Плеханов призвал российское общество и в первую очередь пролетариат защитить, оборонить не только свою родину, но также и страны, ставшие жертвой германской агрессии и оккупации. В готовности вести борьбу, заявлял Плеханов, проявлялась социальная зрелость граждан, их способность с оружием в руках отстаивать свое право и право других людей на независимое существование от чьих бы то ни было покушений на него: «...пролетариат обязан разоблачать дипломатические интриги правительств и направлять свои усилия к тому, чтобы в международных отношениях господствовали „простые законы нравственности и права“... пролетариат должен обрушиваться со всею силою своего мнения на правительства, в данное время нарушающие эти простые законы. В частности, он должен всею силою своего мнения обрушиться на то правительство или на те правительства, которые в данное время нарушают мир, преследуя династические или империалистические цели: завоевание новых рынков, колоний и т. п.» (Плеханов Г. В. О войне. Paris, 1914. С. 14). Здесь же Плеханов ставит вопрос об интернациональном отпоре пролетариата, при чем в его число входит и та часть немецких рабочих, которая противостоит политике агрессии внутри самого немецкого государства. Плеханов пишет о тех, пока не дающих положительного эффекта отдельных попытках немецких социал-демократов, стремящихся организовать борьбу против ведения войны Германией. Как всякий здравомыслящий человек, Плеханов не находит ничего противоестественного в объединении всех сил внутри страны и за ее пределами, одинаково понимающими вопрос и стремящимися к такому его решению, которое соответствует понятиям нравственности и справедливости.

³ Плеханов Г. В. О войне. 4-ое изд. СПб., 1916. С. 82.

⁴ В названной брошюре Плеханов цитирует мнение голландского социалиста Ван Коля (Там же. С. 82—83).

⁵ М. И. Туган-Барановский включал этот договор в число факторов, тормозящих экономическое развитие России (Туган-Барановский М. И. Война и народное хозяйство // Чего ждет Россия от войны: Сб. ст. СПб., 1915. С. 20.— выд. — публ.). А вот как оценивал экономическую самостоятельность России в тот же период В. И. Вернадский: «Для нас выяснилось многое во время войны, и прежде всего стало ясно всем то, что раньше было ясным немногим, — наша экономическая зависимость от Германии, носящая совершенно недопустимый характер [выд. — публ.] при правильном государственном управлении. То, что сделалось ясным для русского общества, очевидно, является фактом величайшей важности, ибо последствием такого сознания неизбежно будет изменение положения дел» (Вернадский В. И. О науке. СПб., 2002. Т. 2. С. 38).

⁶ Историография вопроса о месте нацистской диктатуры в истории Германии обширна. Она включает исследования, позволяющие реконструировать эволюцию исторической мысли, ищущей ответ на вопрос о том, был ли национал-социализм органичным проявлением германской истории или же случайным продуктом абсолютного разрыва связей с традициями прошлого, выражением «особого германского пути» развития. Весомый вклад в разработку вопроса внесла немецкая историческая наука. Уже после германской революции видный деятель немецкой социал-демократии Карл Каутский, специально исследовавший вопрос о виновниках войны по архивам германского министерства иностранных дел, подтвердил ответственность Германии за развязывание I мировой войны. В своей последней книге «Социалисты и война» (Prague, 1947) он пишет: «Мировую войну 1914-го года Германия хотела и планомерно ее подготовляла, но объявила ту войну превентивной войной. Мировая война не была продуктом капитализма или империализма» [выд. — публ.]. Здесь же Каутский указывает, что позиция Плеханов по вопросу о вой-

не, не была проявлением национализма, напротив, Плеханов-интернационалист создавал **необходимость безусловной защиты европейской демократии**, которой грозила большая опасность со стороны германского империализма, чем со стороны русского абсолютизма. В работе Ф. Майнеке «Немецкая катастрофа» (Berlin, 1946) рассматривался вопрос о **социальной сущности** гитлеризма. Автор указывал, что крупные промышленники и финансисты явились той исторической силой, которая в наибольшей степени содействовала становлению третьего рейха. В книге Ф. Фишера «Рывок к мировому господству» (Berlin, 1961) содержатся обоснованные архивными материалами выводы о виновности кайзеровской Германии в развязывании мировой войны 1914 г., которые дали толчок продолжающемуся и ныне спору о **преемственности господства** немецких хозяйственных и политических элит, об их ответственности за установление гитлеровской диктатуры, за вторую мировую войну. Сторонники данной точки зрения доказывают, что путь к двенадцатилетнему периоду, в течение которого по вине Германии были уничтожены миллионы людей, весь континент был вовлечен в пучину гибели, ведет свое происхождение из **недр германской истории** и является ее **неразрывной частью**: «Путь к диктатуре вел из глубин германской истории, но налицо было новое качество преступлений, не вытекавшее из прошлого. Это был разрыв с тем, что именуется западной цивилизацией». Международная политика нацистов стала воплощением беспощадного **национального эгоизма**, неразборчивости в выборе политических средств, равнодушия по отношению к требованиям, необходимым в условиях сосуществования с другими европейскими государствами. Авторы, развивающие это направление, единодушны в определении преступного характера агрессии против СССР: целью войны на Востоке являлась реализация «самой преступной, единственной в истории Европы, тщательно подготовленной **программы порабощения народов**», «кислочно включавшей порабощение Восточной Европы и прежде всего Советского Союза» (Подробнее см.: Борозняк А. И. Искупление. М., 1999. С. 9—25, 60—61, 79—108).

⁷ Иорданский Н. И. (1876—1928) — социал-демократ, после II съезда РСДРП примкнул к меньшевистскому крылу, сотрудничал в газетах «Искра», «Начало», «Образование», «Социал-демократ», «Мир божий», «Современный мир», «Звезда». В годы I мировой войны занимал оборонческие позиции, помещал статьи в газете «Призыв». После Февральской революции вошел в состав группы «Единство», в качестве комиссара Временного правительства выезжал на фронт. Работал в Наркомате иностранных дел СССР и Госиздате.

⁸ Из-за преследований со стороны царского правительства в 1881 г. Г. В. Плеханов был вынужден эмигрировать из России. Местом постоянного проживания стала Швейцария, однако вследствие развития болезни Плеханов, страдавший с 1886 г. туберкулезом горла, был вынужден проводить осень и зиму в Италии. С 1909 г. семья стала снимать небольшую виллу в Сан-Ремо, в которой был устроен санаторий, содержавшийся на средства семьи Плехановых, плату, вносимую больными (в основном, русскими политическими эмигрантами), и скромные пожертвования. Врачами в санатории работали Р. М. Плеханова — жена Георгия Валентиновича и старшая дочь — Лидия Георгиевна. В описываемый период Георгий Валентинович находился в Сан-Ремо.

⁹ Гед Жюль (Guesde, 1845—1922) — видный деятель французского и международного рабочего и социалистического движения. Участник Парижской коммуны. Один из основателей Французской социалистической партии. После начала I мировой войны вошел в состав французского правительства. Близкий друг семьи Плехановых.

¹⁰ Васильев Н. В. (1857—1920) — врач, представитель революционного движения 70-х годов XIX в., социал-демократ. За участие в забастовке на одной из Петербургских фабрик был арестован и выслан в Архангельскую губернию. После побега некоторое время жил в Лондоне, а затем обосновался в Швейцарии. Так же, как и Плеханов, в годы I мировой войны поддерживал идею о необходимости совместного участия стран Европы в отражении агрессии Германии и ее союзников. Был избран председателем Совещания Всероссийской социал-демократической организации «Единство» (1917), активно сотрудничал с редакцией газеты «Единство». После Октябрьской революции работал в Союзе потребительских обществ. Архив Николая Васильевича (Ф. 1096) был передан его родственниками на хранение в Дом Плеханова вскоре после его организации.

¹¹ В феврале 1917 г. Германия, обладавшая мощным флотом, объявила странам Антанты «неограниченную подводную войну». Об одном из ее эпизодов и рассказывал Плеханов.

¹² Всероссийская социал-демократическая организация «Единство», председателем которой был избран Георгий Валентинович, была учреждена в апреле 1917 года. В ее состав вошли представители различных политических течений и партий, объединенных стремлением консолидировать усилия российского общества для решения неотложных **общенациональных** задач по организации внутренней и внешнеполитической жизни в стране, только что пережившей смену политической власти и на собственной территории отражавшей германское нападение.

¹³ Бурцев В. Л. (1862—1942) — публицист, в 1880-х гг. — народовец, позже — член партии социалистов-революционеров, в разные годы издавал журналы «Свободная Россия», «Народовец», «Былое» и др.

Н. С. Чхеидзе (1864—1926) один из лидеров меньшевистского крыла РСДРП, депутат Государственной думы III и IV созыва. Входил в состав Временного комитета Госдумы, председатель Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов; председатель Учредительного собрания Грузии. В 1921 г. эмигрировал во Францию.

М. И. Скобелев (1885—1938) — социал-демократ, депутат социал-демократической фракции 4-ой Государственной думы. В годы I мировой войны — сторонник «революционного оборончества». После Февральской революции занимал руководящие посты в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, был министром Временного правительства. После Октябрьской революции работал в Советских правительственных учреждениях. Репрессирован. Реабилитирован в 1957 г.

И. Г. Церетели (1881—1959) — социал-демократ, на II съезде РСДРП примкнул к меньшевистскому крылу партии, член социал-демократической фракции II Государственной думы. В годы I мировой войны выступал как за скорейшее заключение мира без аннексий и контрибуций. После Февральской революции — член Исполкома Петросовета, в мае 1917 г. вошел в состав Временного правительства в качестве министра почт и телеграфа, исполнял обязанности управляющего Министерства внутренних дел. Один из организаторов Грузинской демократической республики. С 1921 г. находился в эмиграции.

¹⁴ Богданов А. А. (наст. фам. — Малиновский, 1873—1928) — философ и мыслитель, естествоиспытатель, политический деятель, видный деятель социал-демократического движения России, член ЦК РСДРП, один из основателей и идеологов Пролеткульта, создатель тектологии — «всеобщей организационной науки». Врач по образованию, А. А. Богданов в 1926 г. организовал первый в мире Институт переливания крови; в результате поставленного на себе опыта погиб.

¹⁵ Марсель Кашен (Cachen, 1869—1956) — видный деятель французского и международного социал-демократического движения, редактор и директор газеты «Юманите» (1912—1956), депутат парламента Франции, один из основателей Французской коммунистической партии, в годы II мировой войны — участник Французского движения Сопротивления.

¹⁶ Карл Фогт (1817—1895) — выдающийся немецкий естествоиспытатель и философ, общественно-политический деятель. За активное участие в революционных событиях 1848 года, в ходе которых Фогт избирается депутатом Франкфуртского национального собрания, был уволен со службы и приговорен к смертной казни, однако ему удалось бежать. Эмигрировал в Швейцарию. С 1852 г. читал лекции на кафедре зоологии Женевского университета, здесь же впоследствии занял кафедру зоологии, сравнительной анатомии и палеонтологии, где оставался до конца дней. В этот период жизни появляются его «Лекции о человеке», в которых Фогт выступил сторонником онтогенетического подхода теории Ч. Дарвина. Лекции Фогта, блестящего преподавателя, популяризатора науки и оратора, пользовались неизменным успехом у слушателей.

¹⁷ Имеется в виду одна из книг Ч. Р. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859) и «Происхождение человека и половой отбор» (1871).

¹⁸ Газета «Русская воля» выходила в Петрограде с декабря 1916 по октябрь 1917 г. Инициатором издания выступил А. Д. Протопопов (1866—1918) — товарищ председателя Государственной думы, председатель Союза суконных фабрикантов, крупный землевладелец и владелец суконной

фабрики, член императорского географического общества, член «Прогрессивного блока» и председатель Совета съездов представителей металлообрабатывающей промышленности, автор трудов в области текстильной промышленности и аграрного вопроса. После назначения Протопопова на министерский пост и он сам, и лица, причастные к основанию газеты, отошли от дела (Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 311. Л. 1).

Инцидент был во многом навязан Плеханову и сотрудникам «Призыва» сообщениями из России, где развернулась кампания по дискредитации газеты, оказавшая влияние и на людей, на оценки которых Плеханов и его соратники полагались. Настоятельно советуя группе не участвовать в издании и опубликовать от имени Плеханова официальный отказ от сотрудничества, Н. И. Иорданский и А. Ф. Бурьянов не поставили редакцию «Призыва» в известность о том, что во время личной встречи с издателями «Русской воли» они признали, что не могут привести фактов, подтверждающих справедливость выдвигавшихся против газеты обвинений (Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 309. В. 19. 10. Л. 1). Подробнее см.: Белявский А. Д. Г. В. Плеханов, «Призыв» и газета «Русская воля» // Учен. зап. Горьков. ун-та. 1967. Вып. 85. С. 34—43; Филимонова Т. И. «Необходимо противопоставить революционной фразеологии — революционное мировоззрение...»: (Из переписки А. И. Любимова и Г. В. Плеханова. 1914—1918 гг.) // Ист. архив. 1998. № 2. С. 149—168; № 3. С. 106—152.

¹⁹ Бурьянов А. Ф. (1880-?) — социал-демократ, депутат IV Государственной думы от Таврической губернии. Весной 1914 г., стремясь содействовать укреплению думской социал-демократической фракции, разделенной на меньшевистскую и большевистскую, вышел из состава первой, позволив, таким образом, их уравнивать численно. Это заявление о выходе с объяснением причин было опубликовано в № 1 газеты «За партию».

²⁰ Алексинский Г. А. (1879—1967) — социал-демократ, член социал-демократической фракции IV Государственной думы. В годы I мировой войны стал одним из единомышленников Плеханова, участвовал в издании газеты «Призыв». В декабре 1916 года вошел в состав сотрудников газеты «Русская воля» и без ведома Г. В. Плеханова передал для печати на ее страницах статью «Стоны Бельгии, логика Циммервальда и рабочий Интернационал» («Призыв», № 56). В 1920 году эмигрировал во Францию и жил в Париже.

²¹ Подробнее об этом см.: Райхцаум А. Л. «Плехановские прибавки». Г. В. Плеханов — председатель Комиссии по улучшению материального положения железнодорожных служащих, мастеровых и рабочих // Ист. архив. 1993. № 5. С. 79—104.

²² 18 июня 1917 г. началось давно ожидавшееся, однако вскоре закончившееся неудачей наступление русских войск на фронте. Манifestация, о которой идет речь, была организована группой «Единство» в поддержку наступления и в ответ на призыв Временного правительства к гражданам страны помочь армии. В это день Плеханов дважды выступил с речью: на Владимирском проспекте, где располагалась редакция газеты «Единство», и у Казанского собора.

²³ Имеется в виду первая политическая демонстрация, состоявшаяся 6 декабря 1876 года в Санкт-Петербурге у Казанского собора. Плеханов, выступивший на ней оратором, открыто призвал к свержению самодержавия.

²⁴ Речь идет об июльском кризисе Временного правительства, явившимся следствием его неспособности справиться с продовольственной разрухой, остановить центробежные силы, ведущие к полной дезорганизации экономической и политической жизни страны. Формальным поводом послужила отставка трех министров, покинувших посты в знак протеста против политических уступок главы правительства князя Львова Украинской раде, навязывавшей в столь сложный для страны момент вопрос об автономии. Одновременно 3—4 июля по Петрограду прокатились организованные ЦК большевиками с целью захвата власти две многотысячные демонстрации, закончившиеся перестрелками и жертвами. Для наведения порядка в город были стянуты войска. На страницах газеты «Единство» Плеханов писал о том, что действия большевиков объективно ведут страну к развязыванию гражданской войны. В специальной резолюции («О большевиках-ленинцах»), принятой на проходившем в Петрограде 20—24 июля первом Всероссийском совещании организации «Единство», указывалось, что их практическая деятельность «свелась к проповеди за-

хватов и погромов, к расстройству вооруженных сил обороняющих страну, и вообще к вредной для всего народа и для пролетариата в особенности дезорганизации общественных сил России» (Меньшевики в 1917 году. М., 1995. Т. 1. С. 798).

²⁵ Кризис закончился образованием 24 июля нового коалиционного правительства во главе с А. Ф. Керенским. 22 июля состоялась встреча Георгия Валентиновича с последним, в ходе которой Плеханову был предложен пост министра труда и промышленности. Однако, столкнувшись с оппозицией Советов, заявивших о том, что они «предпочитают в министерстве 10 „буржуев“ одному Плеханову», Керенский отказался от своего плана (Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 649. В.382.48) ввести Плеханова в правительство.

²⁶ Московское Государственное совещание — встреча представителей торгово-промышленного класса и русской революционной демократии — состоялось 12(25)—15(28) августа 1917 г., куда Плеханов прибыл по приглашению Керенского. Речь Георгия Валентиновича в сокращенном и полном вариантах была опубликована на страницах газет и издана отдельной листовкой.

Накануне Совещания Плеханов выступил со статьей, в которой, напоминая возможным участникам о необходимости **объединения во имя сохранения целостности государства**, писал: «Наше спасение не в гражданской войне, а в сознательном, всесторонне обдуманном, планомерном и добросовестном соглашении тех двух классов, совокупные усилия которых одинаково нужны при нынешних конкретных условиях для экономического обновления России» (Плеханов Г. В. Накануне Московского совещания // Плеханов Г. В. Год на родине. Paris, 1921 С. 81).

²⁷ В Программе РСДРП, принятой II съездом РСДРП (1903), были последовательно перечислены экономические и политические требования, необходимые для демократизации российского государственного хозяйства и в целях устранения остатков крепостного порядка. Они включали: ограничение рабочего дня 8-ью часами, установление еженедельного отдыха не менее 42 часов, полного запрещения сверхурочных работ, отмен женского и детского труда в ночные смены, освобождение женщин от работы в течение четырех недель до и шести недель после родов с сохранением заработной платы в обычном размере, государственного страхования по старости, воспрещение выдачи заработной платы товарами; отмены выкупных и оброчных платежей, всех повинностей, наложенных на крестьянство, как на податное сословие, а также законов, стесняющих крестьян в распоряжении землей; предоставление гражданам свободы совести, слова, печати, собраний и объединений // Коммунистическая партия Советского союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983.— Т. 1. С. 62—64.

²⁸ Стронниками идей «Циммервальда», «Циммервальдистами» Плеханов и его единомышленники называли участников международной конференции социалистов, проходившей в сентябре 1915 г. в Циммервальде (Швейцария). По итогам совещания был принят Манифест, в котором виновниками войны объявлялись правительства всех стран, втянутых в конфликт, содержалось требование немедленного заключения мира без аннексий и контрибуций; в документе признавалось право наций на самоопределение. Однако Манифест не указывал путей достижения этих целей.

²⁹ Автором допущена неточность в передаче смысла, так как данная фраза противоречит не только содержанию вышесказанного, но и позиции Плеханова в целом.

³⁰ Общациональный кризис, в обстановке которого страна жила уже с осени 1915 г. и первым открытым проявлением которого стала Февральская революция 1917 г., неуклонно углублялся. Пришедшее на смену самодержавию Временное правительство, руководимое князем Львовым, уже в апреле вызвало бурю негодования в стране заявлениями министра иностранных дел П. Н. Милокова о притязаниях России, в частности, на владение Босфором и Дарданеллами. Так же, как это было сделано им в статье «Территориальные приобретения России», и затем повторено в ходе европейского турне 1916 г., П. Н. Милоков вновь поднял вопрос о достижении «идеальных целей войны», поставленных перед Россией и ее союзниками «для устранения тех стремлений Германии ко всемирной гегемонии, которые угрожали европейскому миру в течении десятилетий и заставляли народы нести тяжесть непомерных расходов на вооружения...» (Милоков П. Н. Указ. соч. // Чего ждет Россия от войны: Сб. ст. СПб., 1915. С. 66.), в то время как насущной являлась проблема **изгнания врага с территории России**. «Нота Милокова» была расценена как проявление

ние имперских амбиций имущих классов и вызвала резкую критику общественности и особенно сил, выступавших за подписание сепаратного мира с Германией. Следствием развернувшейся кампании стали отставка П. Н. Милокова и последовавший за ней уход с поста военного министра А. И. Гучкова, также настаивавшего на продолжении участия России в войне.

Милоков П. Н. (1859—1943) — политический деятель, историк, публицист, сотрудничал в «Русском богатстве». Один из организаторов и лидер конституционно-демократической партии, депутат 3-й и 4-й Государственных дум.

³¹ Эта статья-воззвание к народам России была опубликована 22 апреля 1917 г. в газете «Единство».

Засулич В. И. (1851—1919) — участница народнического движения, одна из основателей группы «Освобождение труда» и Российской социал-демократической рабочей партии, видный деятель РСДРП, переводчик, писатель, публицист.

³² сын Н[иколая] И[вановича] [Иорданского], разделявший в то время плехановскую точку зрения на войну и революцию и бывший членом ЦК группы «Единство» — сноска автора; зачеркнуто в тексте карандашом — публ.

³³ Подробнее см.: Плеханова Р. М. Год на родине // Диалог. 1991. № 14—15; Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 352—355.

³⁴ Савинков Б. В. (псевд. Ропшин, 1879—1925) — социалист-революционер, один из руководителей «боевой организации» партии эсеров, писатель. Участвовал в разоблачении Парвуса. Входил в состав Временного правительства, был военным министром, после Корниловского мятежа удален из кабинета министров. Савинков близко знал Плеханова и его семью, являлся другом Жоржа Эмиля Бато — мужа младшей дочери Плехановых, Е. Г. Плехановой. По рассказам Кюда Бато, сына Е. Г. Бато-Плехановой и Ж. Бато, его родители отговаривали Бориса Викторовича от попытки организовать борьбу против большевиков и нелегального въезда на территорию Советской России, следствием чего и стали его арест и гибель. В Доме Плеханова хранится переписка Савинкова и членов его семьи с Плехановыми (Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 649; Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 316, 317; Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 236, 237, 238, 352).

³⁵ Учредительное собрание открылось 5 января 1918 г. Однако на следующий день, большевики, которым принадлежало менее четверти мандатов, предложили участникам Собрания подтвердить принятые в декабре 1917 г. II Всероссийским съездом советов декреты о земле, власти и мире, но, получив отказ, разогнали его.

³⁶ Подробнее см.: Плеханова Р. М. Указ. соч.

³⁷ В. Г. Белинский (1811—1848) — выдающийся литературный критик, публицист. Виссарион Григорьевич был одним из любимых писателей Г. В. Плеханова, анализ философских взглядов и творчества Белинского нашли глубокое отражение в произведениях Плеханова (Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956—1958).

³⁸ Зиновьев (Радомысльский) Г. Е. (1883—1936) — член РСДРП с 1901 г. После Октябрьской революции — Председатель Петроградского совета, член Политбюро ЦК РКП (большевики), председатель Исполкома Коминтерна.

Луначарский А. В. (1875—1933) — социал-демократ, с августа 1917 — большевик, после Октябрьской революции (до 1929) — Нарком просвещения. В годы I мировой войны занимал так называемую «интернационалистскую» позицию, сотрудничал в газетах «Наш голос» и «Наше слово», призывая к борьбе со сторонниками обороны и объединению интернационалистов, вне зависимости от разногласий по иным политическим мотивам.

Л. Д. Троцкий (наст. фам. Бронштейн, 1879—1940) — член РСДРП с 1897 г. Член РКП (большевики) с 1917 г. В годы I мировой войны примыкал к движению «интернационалистов». После Октябрьской революции — нарком иностранных дел, нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета республики, член Политбюро ЦК РКП (большевики), член Исполкома Коминтерна.

Рязанов Д. Б. (наст. фам. Гольдендах, 1870—1973) — народник, участник российского и немецкого социал-демократических движений, сотрудничал в газете «Искра» и журнале «Заря»,

участвовал в деятельности социал-демократической фракции II Государственной думы, акад. АН СССР. Занимался изучением рукописного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса, установил авторства 250 статей, написанных ими в 50—60 гг. XIX в., подготовил к печати и издал в Германии и России работы К. Маркса и Ф. Энгельса. В годы I мировой войны занимал так называемую центристскую позицию в движении циммервальдистов, сотрудничал в газетах «Голос» («Наше слово»). После Октябрьской революции участвовал в организации Социалистической академии, Института К. Маркса и Ф. Энгельса, являлся его директором в 1921—1931 гг. под редакцией Д. Б. Рязанова были изданы собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова, Г. Гегеля и др. Редактор журнала «Летописи марксизма», издания «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса».

³⁹ В архиве Георгия Валентиновича (Ф. 1093. Оп. I) сохранилось более 200 обращений в Комитет по увековечению памяти Плеханова от районных и первичных партийных организаций Петрограда с просьбой о предоставлении мандатов на участие в похоронах Плеханова. Церемония прощания, длившаяся более семи часов, вылилась в мощную демонстрацию идейного противостояния жителей Петрограда большевикам. Кончина Плеханова имела широкий резонанс в стране и за рубежом: ему были посвящены статьи-некрологи и однодневные газеты.